

Бубен
Верхнего Мира

Сборник рассказов:

Акико, Бубен верхнего мира, Бубен нижнего мира, Вести из Непала, Водонапорная башня, Встроенный напоминатель, Греческий вариант, Девятый сон Веры Павловны, Жизнь и приключения сарая номер XII, Зигмунд в кафе, Иван Кублаханов, Колдун Игнат и люди, Краткая история пэйнтбола в Москве, Луноход, Миттельшпиль, Музыка со столба, Нижняя тундра, Ника, Онтология детства, Оружие возмездия, Откровение Крегера, Папахи на башнях, Происхождение видов, Реконструктор, Синий фонарь, Спи, СССР Тайшоу Чжуань, Тайм-аут или Вечерняя Москва, Тарзанка, Ухряб, Хрустальный мир.

Здравствуй, благородный незнакомец. Ты выглядишь странно, словно родом не из наших мест. Не пришелец ли ты из далеких северных стран? Меня зовут Акико. А как твое славное имя? Введи его и нажми «enter», тогда Акико отопрет.

Мы очень рады, ЙЦУКЕН, что ты заглянул на наш сайт, затерянный в горах древней Японии. Мы – это Акико и обезьянка Мао. Если ты посмотришь в левый нижний угол экрана, ты увидишь два маленьких желтых пятнышка. Это ее глазки. Обезьянка Мао прячется не потому, что ты ей противен, ЙЦУКЕН. Она хорошо знает, как важен для нас твой визит, просто ей требуется время, чтобы привыкнуть к новому человеку. Она очень скрытное существо, но у нее удивительно смелая и любознательная душа. Тебе может показаться смешным, что Акико говорит так об обезьянке, но, кроме Мао, у нее здесь нет друзей.

Может быть, моим другом станешь ты, ЙЦУКЕН? Как только эта надежда зажглась в сердце Акико, мир вокруг преобразился – он засиял всеми красками, словно начался праздник. Акико заметила, как ты смотришь на ее хрупкую фигурку в шелковом кимоно цвета осенней листвы. Твои нескромные взгляды вызывают на щеках Акико жаркий румянец.

Нет, нет, ЙЦУКЕН, даже не подводи туда курсор. Пока ты можешь смотреть только на лицо Акико, покрытое краской стыда. Акико – девушка строгих правил. Если ты хочешь увидеть все остальное, подпишись на наш сайт. Видишь дверь со словом «members»? Когда ты станешь членом, ЙЦУКЕН, ты будешь входить через нее прямо в тайные покои Акико. А пока тебе нужна вот эта калитка с табличкой «instant access».

Спасибо, что ты решил воспользоваться услугой «instant access», ЙЦУКЕН. Мы принимаем все ведущие кредитные карточки. Ты можешь стать временным членом на один месяц всего за 9.99\$. А всего за 24.99\$ ты на целый год станешь полным членом... Акико видит, ЙЦУКЕН, что ты опытный самурай. Ты открыл сундучок с надписью «terms and conditions», который стоит между статуэткой Канон и пучком камышовых стрел. Так поступает далеко не каждый, кто приходит сюда с визитом... Да, это правда. Для твоего удобства временное членство будет автоматически возобновляться после истечения срока, и 9.99\$ будут каждый месяц сниматься с твоего счета...

Что? А что можно назвать постоянным в мире, где все подобно росе и облакам? Полное членство, конечно, лучше, ЙЦУКЕН. Но потому и дороже. Помни, что предоставление неверной информации о кредитной карточке преследуется... Нет, нет, просто полагается напомнить. Мы тебе верим. А ты можешь верить нам. Не бойся, что твои враги и завистники узнают о нашей связи. Мы с обезьянкой Мао умеем хранить секреты. Менялы из твоего банка, получив счет от «niproof.com», ничего даже не заподозрят.

Спасибо, что ты остановил свой выбор на полном членстве за 24.99\$, которое не будет автоматически возобновляться для твоего удобства, ЙЦУКЕН. Как только твоя кредитная информация будет проверена, ты получишь от нас весточку по журавлиной почте. Да, ЙЦУКЕН, это и есть «instant access». А? Нормальное название. Вся жизнь земная лишь мгновение, лишь летний сон луны в пруду под песню птицы касиваги.

Здравствуй, ЙЦУКЕН. Мы с Мао хорошо помним тебя и твой IP-адрес 211.56.67.4. Ты вошел через дверь со словом «members» – это значит, что белый журавль уже принес тебе письмо с тайным словом. Теперь ты здесь полноправный член – какое, должно быть, волнующее, сильное и свежее чувство! Да, пять дней – это большой срок, но ведь тебе было сказано, ЙЦУКЕН, что журавлиная почта может прийти с опозданием, если ты оставишь адрес бесплатного сервера вроде Yahoo! или Hotmail. Именно там вьют гнезда разбойники, дающие ложную информацию о

кредитных картах. Если уж на то пошло, скажи спасибо, что ты вообще получил письмо с тайным словом...

Почему, предупреждали. Раз ты лазил в сундучок «terms and conditions», ЙЦУКЕН, надо было внимательно прочесть, что написано мелким шрифтом на странице 12. Но стоит ли спорить об этом сейчас, когда минута радости так близко? Отбрось эти мысли, ЙЦУКЕН, и вслушайся в саунд вечерней природы. Разве мир не прекрасен? Тонкие ленты облаков плывут по бледному небу, шелестит ветер в листьях, и грустно поют сверчки в траве. Трогает ли это твое сердце?

Ты щелкаешь мышью по тайному месту Акико, самоуверенный ЙЦУКЕН. Похоже, ты из тех людей, которые точно знают, что им нужно. Ты уверен в себе. Еще бы. Такой изысканно утонченный кавалер, наверное, не встречал отпора ни на одном порно-сайте. Взволнованная Акико опускает глаза и идет в дальние покои.

Акико в таком смущении, что забывает задвинуть за собой перегородку. Она чуть вздрагивает, когда курсор проезжает по ее хрупкой фигурке. Ты заметил, ЙЦУКЕН, что стрелка курсора превращается в кисть руки, когда прикасается к поясу шелкового кимоно цвета осенних листьев? В загадочных глазах Акико отражается пламя светильника. Сейчас Акико расскажет тебе свою историю, ЙЦУКЕН.

В давние времена у могущественного правителя провинции Исэ было три дочери. Старшая... Что? Можно. Вон в верхнем правом углу кнопочка «Skip story». Кнопочка с рюмкой? А это если ты захочешь купить вишневой наливки для обезьянки Мао.

Ах... Ну что ты делаешь, ЙЦУКЕН. Теперь Акико в одном нижнем платье. Чтобы раздеть ее совсем, тебе остался всего один щелчок мыши. От волнения у Акико кружится голова – она, с твоего позволения, ляжет на татами. Аи... Ой! Ты не оставил на Акико даже тряпочки, ЙЦУКЕН. Тебе нравится ее юное, еще не до конца сформировавшееся тело? Нет, ЙЦУКЕН. Раздвинуть их шире ты не можешь. Не надо щелкать зря. В этой версии ты не увидишь тайного места. Акико стесняется.

Ты спрашиваешь у Акико, как надо ласкать ее хрупкое тело? Это должно подсказать тебе влюбленное сердце. Можешь выбрать любой предмет из тех, что видишь в комнате. Любой, на котором курсор превращается в руку. Чтобы взять его, надо щелкнуть по нему мышью. Важнее всего для тебя вот эти бусы на стене. Поглядывай на них время от времени. Когда ты начнешь играть с Акико, бусины по одной станут менять цвет. Чем больше зеленых бусин, тем желаннее Акико твои ласки. А чем больше красных, тем хуже ты понимаешь ее тайные помыслы.

Чего тебе непонятно? Ты бизнес-нюз когда-нибудь видел? Акции падают – красная стрелка вниз, акции поднимаются – зеленая стрелка вверх. Здесь все точно так же. Запомни, зайчик, – Акико ждет от тебя маленького экономического чуда. Если ты будешь ласкать ее правильно, она будет делать тебе «О-о-ой!» А если Акико будет делать «Хи-хи-хи!», значит, ты ласкаешь ее неправильно. Когда все бусины позеленеют, ИЦУКЕН, ты услышишь полный сладостной неги крик «Оох-ауу!», который Акико издаст на бонус.

Ага, ты взял веер «летучая мышь» – память о прошлом лете. Хочешь потеревить им маленькие коричневые соски Акико, похожие на стрелы любви? Хи-хи-хи! Ты на бусы-то посматривай.

Три бусины уже красные. Хи-хи-хи! Уже шесть. Подумай. Зачем нормальным людям веер? Правильно! Чтобы обмахиваться. Или обмахивать. А везде. О-о-ой! О-о-ой! О-о-ой! Хи-хи-хи!

Нет, ИЦУКЕН, если Акико делает «Хи-хи-хи!» после нескольких «О-о-ой!», значит, тебе надо придумать что-то новое, а то ты можешь надоесть. И не спи. Тебе надо очки набирать, а когда Акико делает «Хи-хи-хи!», ты их теряешь. Попробуй обмахнуть где-нибудь еще. Хи-хи-хи! Хи-хи-хи! О-о-ой! О-о-ой! О-о-ой! Хи-хи-хи! Хи-хи-хи!

Да брось ты этот веер. Надоело. Хватит. Давай что-нибудь другое... Шпилька для волос? Не знаю, ЙЦУКЕН, попробуй. Хочешь провести ею по темным впадинам подмышек? Хи-хи-хи! Слегка уколоть смуглую кожу живота? Хи-хи-хи! Прикоснуться к тайному месту, скрытому изящно приподнятым бедром? Хи-хи-хи! Пощекотать пятку цвета спелого персика? О-о-ой! О-о-ой! О-о-ой! Хи-хи-хи! Кисточка для туши? Ты, наверно, хочешь написать стихотворение для Акико? А, понятно. О-о-ой! О-о-ой! О-о-ой! Ты смотри, получилось. Один совет, ЙЦУКЕН. Если ты обмакнешь кисточку в бутылку саке, то за один мазок получишь в два раза больше очков... Только не урони кисть в бутылку, потом придется все куда-то переливать, а ведра здесь нет...

Что? Медленно грузится? Это обезьянка Мао села на провода, есть у нее такая привычка. Хочешь купить ей вишневой наливки, ЙЦУКЕН? Мао! Слезай. Иди сюда, сейчас тебе... Что? Нет, саке из бутылки она не будет. Мао, иди поиграй веером «летучая мышь». На чем мы остановились? Кисть для туши? О-о-ой! О-о-ой! О-о-ой! Хи-хи-хи! Старое письмо от того, кто когда-то был тебе дорог? Хи-хи-хи! Длинное корневище аира? О-о-ой! О-о-ой! О-о-ой! Хи-хи-хи! Целебные шары-кусудамы, украшенные кистями из разноцветных нитей? О-о-ой! О-о-ой! О-о-ой! Хи-хи-хи! Чучело соловья? Хи-хи-хи! Шапочка-эбоси? О-о-ой! О-о-ой! О-о-ой! Хи-хи-хи! Сверток в зеленой бумаге, привязанный к ветке сосны? О-о-ой! О-о-ой! О-о-ой! ЙЦУКЕН, ты точно не хочешь заказать наливки для обезьянки Мао? Понятно. О-о-ой! О-о-ой!! О-о-ой!!! Оох-ауу!!!

Как счастлива была бы Акико, если б утро никогда не настало! Но луна уже подернута дымкой предрассветного тумана, и близится час разлуки. Как мучительно долгод будет день без тебя, ЙЦУКЕН!

Все... А чего ты хотел? Нет, тайное место только на золотом уровне. С этого дня, ЙЦУКЕН, весенний ветер будет время от времени раскрывать у тебя на десктопе окно с текстом «АКИКО hardcore! Хоть иконки выноси!». Фотография тайного места, которую ты там увидишь, – реальный скрин-шот из hardcore-версии. Если окно будет мешать, ты его просто закрывай и работай себе дальше. Нет, сейчас посмотреть не можешь. Для этого нужно золотое членство, а у тебя простое. Что? Все было сказано в свитке из сундучка «terms and conditions», мелкий шрифт, страница 17.

Не расстраивайся, ЙЦУКЕН. Акико было хорошо в твоих сильных руках, и она скажет тебе, как остаться с нею подольше. Чтобы получить доступ к версии hardcore, ты можешь сделать апгрейд простого членства до золотого всего за 14.99\$. Тебе не надо снова вводить номер кредитной карточки – теперь он в нашей базе данных. Достаточно щелкнуть по иконке «one-click purchase», и перед тобой откроется мир незабываемых наслаждений. Точно так же всего одним щелчком ты сможешь купить наливки для обезьянки Мао. Один щелчок отделяет тебя от золотого членства, ЙЦУКЕН! Золотой член может наслаждаться двумя полноэкранными видами на тайное место Акико. В hardcore версии тебя ждут новые орудия восторга, среди которых наш культовый мультискоростной вибратор. Кроме того, для золотых членов Акико с самого начала делает «Оох-ауу!» вместо «О-о-ой!» И потом еще будет «Аах-оой-уааа!» на бонус. Так что подумай, ЙЦУКЕН. Акико будет ждать.

Здравствуй, ЙЦУКЕН. Мы с обезьянкой Мао хорошо тебя помним. IP-адрес 211.56.67.4, Master Card 5101 2486 0000 4051, svc2-910, собственность «Альфа-банка», улица Маши Порываевой, дом 11. Ты не знаешь, ЙЦУКЕН, кто такая Маша Порываева? Раз у девушки целая улица, она, наверно, сумела порадовать самого сегуна, не иначе. Или, может быть, она древнего благородного рода? Даже немного завидно, ЙЦУКЕН. Как говорится, отчего же ей одной моря щедрые дары?

К делу, так к делу. В давние времена у могущественного правителя обширной провинции... Что, опять пропускаем? ЙЦУКЕН, почему ты меня никогда не слушаешь? Ладно, как скажешь.

Акико очень рада, что ты стал золотым членом нашего сайта, затерянного в горах древней Японии. Твой визит – большая честь для бедной девушки. Редко бывает, чтобы подобный муж появился в здешней глуши. Может быть, ты закажешь вишневой наливки для обезьянки Мао? Понятно, едем дальше. Акико взволнована, ЙЦУКЕН. Хотя стыдливая застенчивость юной девушки и не позволит ей признаться в этом, она рада, что останется с тобой наедине. Поэтому идем скорее в грот наслаждений, где ты дашь волю своим необузданным желаниям. Если бы даже Акико захотела, она бы не смогла воспротивиться твоей воле, могучий ЙЦУКЕН. Но она хорошо помнит, как сладостны твои ласки.

Да, такой вот грот наслаждений. Как то же самое? Там татами было, а здесь обломок мачты. Там стены зеленые, а здесь желтые. Там портрет Тоетоми Хидэеси, а здесь портрет Токугавы Иэясу. Что? Слушай, ЙЦУКЕН, у тебя ведь тоже поза та же самая, что и в прошлый раз. А разве я тебе что-нибудь говорю?

Как ты стал недоверчив, ЙЦУКЕН. Тебя никто не обманывает.

Тайное место будет, просто сейчас перед тобой вид «А». Перейди на вид «Б». Очень просто. Щелкни мышью по худеньким полудетским бедрам Акико, и увидишь то, что тебя так интересует. Вот... Ну как тебе? Что?

Тебя не поймешь, ЙЦУКЕН. То тебе мало, то тебе много. Да, тот же вид, что и в рекламе. Вот именно для того, чтобы всякие зануды не говорили, что им не показали того, что обещали. Если хочешь увидеть лицо, вернись на общий вид. Вот так. А чтобы увидеть тайное место, снова щелкни по худеньким полудетским бедрам Акико. Ну подожди немножко, пока загрузится, что делать. Кто ж виноват, что у вас провода такие. Нет, одновременно нельзя. Хи-хи-хи! Нет, Акико над тобой не смеется. Акико тебе «Хи-хи-хи» делает. Послушай, ЙЦУКЕН, где в жизни ты одновременно видел и то и это? А? Что значит – чья угодно? Чья же еще она может быть, глупыш, если здесь только ты и Акико?

Чего? Все по-прежнему. Видишь на стене бусы? Напоминать не надо? А? Какой отбойный молоток. Это наш культовый мультискоростной вибратор. Хи-хи-хи! Акико же сказала: хи-хи-хи!! Вибратор работает только на видах «Б» и «С». Правильно, там его не видно, но зато он работает. А здесь он не работает, зато его видно. Что? Розовое сердце переключает скорости. Да не обманули тебя, ЙЦУКЕН. Будет второй вид на тайное место. Чтобы перейти на вид «С», щелкни мышью по худеньким полудетским бедрам Акико с другой стороны. Вот... Что? Опять не нравится? Что значит – та же фотка вверх ногами? Послушай, ЙЦУКЕН, а когда ты переворачиваешь свою Машу Порываеву со спины на живот, у нее что, вырастает там что-то новое? Может, тебе просто не нравится, как мир устроен, ЙЦУКЕН?

Хи-хи-хи! Да, хи-хи-хи! Не знаю, думай. Попробуй переключить скорость. Почему, все три скорости работают. Акико тебе точно говорит, что работают. Естественно, ничего не видно. А что ты собирался увидеть, ЙЦУКЕН? Ты что, на глаз можешь отличить частоту в сто герц от частоты в триста? Включи первую скорость. Слышишь «тыг-дык-тыг-дык-тыг-дык?» Слышишь.

Теперь включи вторую. Слышишь «ты-ды-ды-ды-ды?»

Теперь третью. Есть «т-р-р-р-р-р?» Все работает. Хватит ворчать. Лучше сделай приятно своей Акико. Хи-хи-хи! Хи-хи-хи! Хи-хи-хи! Да, на всех трех скоростях «хи-хи-хи»! Не знаю. Может, ты не там долбишь... Оох-ауу! Оох-ауу! Оох-ауу! А? Ты что, не слышал «Оох-ауу?» А чего тогда спрашиваешь – нравится, не нравится? Я для того тебе и делаю «Оох-ауу!», чтоб у тебя вопросов не возникало.

Нет, пусть торчит. Не выпадет, не бойся. Думай, ЙЦУКЕН, думай.

У тебя нет чувства, что не хватает самого важного? Вернись на главный вид, там много разных штучек. Щипцы для волос? Хи-хи-хи! Овальная жаровня с углями? Какой ты сегодня пламенный.

Рисовая лепешка? Хи-хи-хи! Портрет Токугавы Иэясу? Ты чего, совсем того? Оох-ауу! Оох-ауу! Оох-ауу! Ах, прекрасный ЙЦУКЕН... Оох-ауу! Оох-ауу! Оох-ауу! Хи-хи-хи! Вот видишь, ЙЦУКЕН, Акико сама не знала. Не бойся экспериментировать. То, что тебе нужно, должно быть где-то рядом. Доспехи самурая? Хи-хи-хи! Бутыль сакэ? Хмм... Ты знаешь, можно попробовать. Не движется? Опять, наверно, обезьянка Мао присела на провода. Сейчас слезет.

Ну что же ты такой робкий, ЙЦУКЕН... Ну и что, что большая. Мы, хрупкие юные девушки, очень это любим. Вот... Вот... Нет, так тебе будет сложно. Акико точно говорит, что будет сложно. У тебя какой коврик для мыши? Нет, мало. Убери все со стола. Чтобы руке ничего не мешало. Нужен пустой квадрат, хотя бы в метр по диагонали – мышью водить. Вот так. Давай... Еще раз. Чего останавливаешься? Ты не останавливайся. И быстрее, быстрее... Оох-ауу!... Опять уснул... ЙЦУКЕН, ты не тормози, а то очки убывают... Оох-ауу! Оох-а... Акико же говорит, не спи! Правильно, одно «Оох-ауу!» на десять махов. А ты как хотел? На один мах десять «Оох-ауу?» Так это надо было на платиновое членство подписываться. Рука устала? Счастье надо выстрадать. Давай-давай, не хнычь... Оох-ауу! Оох-ауу! Отпусти головку мыши. Акико что сказала? Не зажимай головку мыши, а то так и будешь переключаться с вида на вид. Ты же при этом очки теряешь, ЙЦУКЕН. И держи бутылку за самое доньшко, тогда тебе больше будет капать за каждый мах. Оох-ауу! Оох-ауу! Оох-ауу! Вот... Оох-ауу!! Оох.....

Опять уснул. Что ты сказал? Как? Так это и есть киберсекс – когда ты мануально стимулируешь мою мышку. Ты считаешь, что это твоя мышка? Пожалуйста, милый. Я и хочу, чтобы моя мышка как можно чаще была твоей. А ты все бурчишь и бурчишь. Все бурчишь и бурчишь. Чего ты вообще ждешь от жизни? У Акико такое чувство, ЙЦУКЕН, что тебе просто этот мир не нравится, вот ты ко всему и придираешься... Чего? Что? Что? Слушай, вот только этого не начинай, ладно? Как? Что? Как ты сказал, ЙЦУКЕН? Ну-ка перейди на вид «А» и погляди мне в глаза. Вот так...

Повтори. Ты сказал, убого? Надоело мышью дрочить? Ты чем вообще в жизни занимаешься, ЙЦУКЕН? Не мое дело? А хочешь, Акико тебе скажет? В жизни ты с утра до вечера дрочишь пучеглазому черному Франклину со ста баксов. А оттуда, что других вариантов нет. Вы все это делаете. Хотя никто на самом деле даже не понимает, что именно вы ему мануально стимулируете, потому что у него под шейным платком вообще ничего нет, кроме черного овала. Во всяком случае, с семьдесят второго года, когда золотое обеспечение убрали. Вы просто выполняете руками что-то такое продольное и стремительное, и смотрите друг на друга с загадочным видом. И это тебе не убого, ЙЦУКЕН. А с Акико тебе убого, да? А ведь Франклин не делает тебе «Оох-ауу!», потому что иначе про тебя писал бы журнал Forbes. А он про тебя не пишет, ЙЦУКЕН. Какое там. Ты можешь изойти кровавым потом, а Франклин на тебя даже не посмотрит. Он и не знает, ЙЦУКЕН, что ты там что-то такое ему дергаешь под черным овалом, понял? И когда тебя закатает – а хоть у него там с семьдесят второго года ничего нет, закатает тебя в это ничего чисто конкретно, – он на прощание не сделает тебе даже «Хи-хи-хи!», а будет все так же величественно смотреть вдаль, чуть поджав губы. Понял?

Убого ему. Мышь ему надоело дрочить. Если ты такой требовательный, ЙЦУКЕН, добейся чего-нибудь в жизни и купи себе киберочки за пятнадцать тысяч долларов. Вот тогда будешь глядеть на мышью, а видеть вместо нее свой хи-хи-хи. А еще за пятнадцать тысяч можешь надеть на свой хи-хи-хи синхронный вибростимулятор с подогревом. Вот после этого начнешь водить мышью по столу, и будет полная иллюзия, что держишь себя за хи-хи-хи в реальном времени. Но для этого надо, чтобы черный Франклин сделал тебе хотя бы маленькое «О-о-ой!» А он тебе его не делает. И вряд ли будет. Потому что, если совсем честно, ЙЦУКЕН, не там ты родился. Так что скажи спасибо, что у тебя хоть фотка на экране есть и мышью в руке. А чего ты еще хотел за свои сто баксов?

Так, за сто. Чего? Ну давай посчитаем. 24.99\$ за простое членство, 14.99\$ за апгрейд до золотого. А за 59.99\$ мы тебя льготно подписали на сайт «Принц Гэндзи и шалунишки». Как почему? Это мы автоматом делаем для удобства всех, у кого золотое членство. Но учти, что льготный доступ у тебя будет только до первого автоматического возобновления твоего золотого членства. А дальше... Что? Нет, ты не понял, ЙЦУКЕН. Это простое членство не возобновляется. А золотое автоматически возобновляется. Вот платиновое опять не возобновляется...

Чего? Ну судись. Жалуйся. Все было написано в «terms and conditions», страница 21, второй абзац сверху. Золотые члены имеют пятидесятипроцентную скидку при подписке на тематические сайты в соответствии с личными предпочтениями по текущим расценкам... Что? Ой... Как ты мог такое сказать, ЙЦУКЕН, после того, что между нами было. Ой... Пусть тебе все объяснит обезьянка Мао, а Акико будет плакать...

Что не ясно, мужчина? Да, обезьянка Мао. Правильно, поэтому мы тебя и подписали всего за 59.99\$. Регулярный прайс – 119.99\$, можешь сходить проверить. Еще вопросы? Откуда про предпочтения знаем? ЙЦУКЕН, ты загляни к себе в «Recently viewed sites», какой там у тебя сайтик между газетой «Завтра» и «Агентством русской информации», а? «Hot Asian Boys». Был? Был. Ну вот мы тебя на принца Гэндзи и подписали. Не волнуйся. Там все нарисованное, проблем с законом не будет – фантазия художника. А вот с «Hot Asian Boys» могут быть, ЙЦУКЕН. Случайно зашел? Бывает такое. Бывает, бывает... Да ты не расстраивайся, ЙЦУКЕН, ты в этом мире не единственный педофил... Какой педофил, ты спрашиваешь? Сейчас скажем, какой... Педофил-внутриутробник. Это такой педофил, ЙЦУКЕН, который хочет это самое сделать с ребеночком, который еще внутри животика... Чего? А что, по-твоему, мы в пятом главном управлении должны думать, если ты с «Hot Asian Boys» идешь на «Pregnant Latino Teens», а с «Pregnant Latino Teens» на «Hot Asian Boys»? Вот это и думаем, что ты педофил-внутриутробник из исламского джихада. Почему? А кто на сайте «Kavkaz.org» закладку сделал? Чеченские пословицы скачивал? Посмеяться хотел, да? Ага. Посмеешься. Реально посмеешься, сука. Уже много кто смеется, и ты будешь. Ага. Убого ему. Ты думаешь, мы тут не понимаем, какой ты ЙЦУКЕН? IP адрес 211.56.67.4, Master Card 5101 2486 0000 4051? Думаешь, не выясним? Что-то подсказывает нам, ЙЦУКЕН, что Маша Порываева расколется очень быстро... Убого ему... Чего, обосрался? Лечь! Встать! Лечь! Встать! Лечь! Встать! Лечь! Встать! Все понял, говно? Лечь! Встать! Точно все понял? А теперь взял бутылку, сука, и бегом на вид «Б», где тайное место крупным планом. Бегом и молча! Проси прощения у Акико... Убого ему.

Мао говорит, ты все понял, ЙЦУКЕН? Почему, можешь говорить. Иногда. Не очень громко и по делу. По делу, это когда надо. Вот например, когда Акико делает тебе «Оох-ауу!», отвечай ей тихонько: «Аа-ах! Аа-ах!» Смотри только «Аллах» не скажи, тогда с остальными своими висяками точно не отмажешься. Даже обезьянка Мао не поможет. Понял, нет? И работай мышью, работай, не засыпай. Тебе очки надо набирать, а не очко просиживать. Жизнь – это движение. Быстрее. Еще быстрее. Надо ценить то, что у тебя есть, ЙЦУКЕН, потому что в Африке, особенно в некоторых областях ее экваториальной части, люди об этом только мечтают. Оох-ауу! Мир ему не нравится, понимаешь. Ты просто не знаешь, как тебе со мной повезло. Оох-ауу! Оох-ауу! Поэтому и квакаешь не по делу. Оох-ауу! Оох-ауу! Оох-ауу! А ты не думай, что умнее других, понял, нет? Ты, наоборот, думай, что глупее, раз у них денег больше. Оох-ауу! Оох-ауу! Оох-ауу! А если тебе чего-то хочется такого особого, чисто помечтать, так мы ведь и не против. Только тихонько, и чтоб мы знали, понял? Оох-ауу! Оох-ауу! Оох-ауу! Вот подпишем тебя на платиновое членство, дадим личный почетный номер, и будут тебе в твоей конурке любые фотки. Оох-ауу! Оох-ауу! Ты что, ЙЦУКЕН? Как не надо? Там же самое главное начинается – анальный секс! Подпишем, обязательно подпишем. Оох-ауу! Даже скидку сделаем.

Только ты сам понимать должен, как себя вести по жизни. Что можно говорить, а что нет, и когда. Оох-ауу! Оох-ауу! Оох-ауу! А не понимаешь, так для этого караоке придумали. Когда «Аа-ах!» на экране загорится, тогда и говори. Понял, нет? Не слышу! Понял? Ну вот. Только потише. За стеной соседи отдыхают, им на работу завтра. И мышью, мышью двигай! Самое страшное в жизни – это потерять темп. Вот так... Оох-ауу! Оох-ауу! Оох-ауу! Оох-ауу! Вон как вспотел весь от удовольствия, глупыш. Акико с тобой хорошо, понял, нет? Оох-ауу! Оох-ауу!! Оох-ауу!!! Аах-оой-уааа!!!

Бубен верхнего мира

Войдя в тамбур, милиционер мельком глянул на Таню и Машу, перевел взгляд в угол и удивленно уставился на сидящую там женщину.

Женщина и вправду выглядела дико. По ее монголоидному лицу, похожему на загибающийся по краям трехдневный блин из столовой, нельзя было ничего сказать о ее возрасте – тем более что глаза женщины были скрыты кожаными ленточками и бисерными нитями. Несмотря на теплую погоду, на голове у нее была меховая шапка, по которой проходили три широких кожаных полосы – одна охватывала лоб и затылок, и с нее на лицо, плечи и грудь свисали тесемки с привязанными к ним медными человечками, бубенцами и бляшками, а две других скрещивались на макушке, где была укреплена грубо сделанная металлическая птица, задрывшая вверх длинную перекрученную шею.

Одета женщина была в широкую самотканую рубаху с тонкими полосами оленьего меха, расшитую кожаной тесьмой, блестящими пластинками и большим количеством маленьких колокольчиков, издававших при каждом толчке вагона довольно приятный мелодичный звон. Кроме этого, к ее рубахе было прикреплено множество мелких предметов непонятного назначения – железные зазубренные стрелки, два ордена «Знак Почета», кусочки жести с выбитыми на них лицами без ртов, а с правого плеча на георгиевской ленте свисали два длинных ржавых гвоздя. В руках женщина держала продолговатый кожаный бубен, тоже украшенный множеством колокольчиков, а край другого бубна торчал из вместительной теннисной сумки, на которой она сидела.

– Документы, – подвел итог милиционер. Женщина никак не отреагировала на его слова. – Она со мной едет, – вмешалась Таня. – А документов у нее нет. И по-русски она не понимает.

Таня говорила устало, как человек, которому по несколько раз в день приходится повторять одно и то же.

– Что значит документов нет?

– А зачем пожилая женщина должна возить с собой документы? У нее все бумаги в Москве, в министерстве культуры. Она здесь с фольклорным ансамблем.

– Почему вид такой? – спросил милиционер.

– Национальный костюм, – ответила Таня. – Она почетный оленевод. Ордена имеет. Вон, видите – справа от колокольчика.

– Тут вам не тундра. Это называется нарушение общественного порядка.

– Какого порядка? – повысила голос Таня. – Вы что охраняете? Лужи эти в тамбурах? Или их вон?

Она кивнула в сторону двери, из-за которой летели пьяные крики.

– В вагоне сидеть страшно, а вы, вместо того чтобы порядок навести, у старухи документы проверяете.

Милиционер с сомнением посмотрел на ту, кого Таня назвала старухой – она тихо сидела в углу тамбура, покачиваясь вместе с вагоном, и не обращала никакого внимания на скандал по ее поводу. Несмотря на странный вид, ее небольшая фигурка излучала такой покой и умиротворение, что, с минуту поглядев на нее, лейтенант смягчился, улыбнулся чему-то далекому, и машинальные фрикции его левого кулака вдоль висящей на поясе дубинки затихли.

– Зовут-то как? – спросил он.

– Тыймы, – ответила Таня.

– Ладно, – сказал милиционер, толкая вбок тяжелую дверь вагона. – Смотрите только...

Дверь за ним закрылась, и летевшие из вагона вопли стали чуть тише. Электричка

затормозила, и перед девушками на несколько сырых секунд возникла бугристая асфальтовая платформа, за которой стояли приземистые здания со множеством труб разной высоты и диаметра, некоторые из них слабо дымили.

– Станция Крематово, – сказал из динамика бесстрастный женский голос, когда двери захлопнулись, – следующая станция – Сорок третий километр.

– Наша? – спросила Таня. Маша кивнула и посмотрела на Тыймы, которая все так же безучастно сидела в углу.

– Давно она у тебя? – спросила она.

– Третий год, – ответила Таня.

– Тяжело с ней?

– Да нет, – сказала Таня, – она тихая. Вот так же и сидит все время на кухне. Телевизор смотрит.

– А гулять не ходит?

– Не, – сказала Таня, – не ходит. На балконе спит иногда.

– А самой ей тяжело? В смысле, в городе жить?

– Сперва тяжело было, – сказала Таня, – а потом пообвыклась. Сначала все в бубен била по ночам, с невидимым кем-то дралась. У нас в центре духов много. Теперь они ей вроде как служат. На плечо эти два гвоздя повесила, вон видишь? Всех победила. Только во время салюта до сих пор в ванной прячется.

Платформа «Сорок третий километр» вполне соответствовала своему названию. Обычно возле железнодорожных станций бывают хоть какие-то поселения людей, а здесь не было ничего, кроме кирпичной избушки кассы, и увязать это место можно было только с расстоянием до Москвы. Сразу за ограждением начинался лес и тянулся насколько хватало глаз – даже неясно было, откуда на платформе взялось несколько потертых пассажиров.

Маша, сгибаясь под тяжестью сумки, пошла вперед. Следом, с такой же сумкой на плече, пошла Таня, а последней поплелась Тыймы, позвякивая своими колокольчиками и поднимая подол рубахи, когда надо было перешагнуть через лужу. На ногах у нее были синие китайские кеды, а на голених – широкие кожаные чулки, расшитые бисером. Несколько раз обернувшись, Маша заметила, что к левому чулку Тыймы пришит круглый циферблат от будильника, а к правому – болтающееся на унитазной цепочке копыто, которое почти волочилось по земле.

– Слышь, Тань, – тихо спросила она, – а что это у нее за копыто?

– Для нижнего мира, – сказала Таня. – Там все грязью покрыто. Это чтоб не увязнуть.

Маша хотела было спросить про циферблат, но передумала. От платформы в лес вела хорошая асфальтовая дорога, вдоль которой росли два ровных ряда старых берез. Но через триста или четыреста метров всякий порядок в расположении деревьев пропал, потом незаметно сошел на нет асфальт, и под ногами зачавкала мокрая грязь.

Маша подумала, что жил когда-то на свете начальник, который велел проложить через лес асфальтовую дорогу, но потом выяснилось, что она никуда не ведет, и про нее забыли. Грустно было Маше глядеть на это, и собственная жизнь, начатая двадцать пять лет назад неведомой волей, вдруг показалась ей такой же точно дорогой – сначала прямой и ровной, обсаженной ровными рядами простых истин, а потом забытой неизвестным начальством и превратившейся в непонятно куда ведущую кривую тропу.

Впереди мелькнула привязанная к ветке березы белая тесемка.

– Вот здесь, – сказала Маша, – направо в лес. Еще метров пятьсот.

– Что-то близко очень, – с сомнением сказала Таня. – Непонятно, как сохранился.

– А тут никто не ходит, – ответила Маша. – Там же нет ничего. И колючкой пол-леса отгорожено.

Действительно, скоро впереди появился невысокий бетонный столб, в обе стороны от которого уходила провисшая колючая проволока. Потом стали видны еще несколько столбов – они были старые и со всех сторон густо обросли кустами, так что заметить проволоку можно было только подойдя к ней вплотную. Девушки молча пошли вдоль проволочной ограды, пока Маша не остановилась возле очередной белой тесемки, свисающей с куста.

– Здесь, – сказала она. Несколько рядов проволоки были задраны и перекручены между собой. Маша и Таня поднырнули под нее без труда, а Тыймы полезла почему-то задом, зацепилась рубашкой и долго звенела своими колокольчиками, ворочаясь в узком просвете.

За проволокой был такой же лес, как и до нее, и не было заметно никаких следов человеческой деятельности. Маша уверенно двинулась вперед и через несколько минут остановилась у оврага, на дне которого журчал небольшой ручей.

– Пришли, – сказала она, – вон в тех кустах. Таня поглядела вниз.

– Не вижу.

– Вон хвост торчит, – показала Маша, – а вон крыло. Пошли, там спуск есть.

Тыймы вниз не пошла – она села на Танину сумку, прислонилась спиной к дереву и замерла. Маша с Таней, цепляясь за ветки и скользя по мокрой земле, спустились в овраг.

– Слышь, Тань, – тихо сказала Маша, – а ей что, посмотреть не надо? Как она будет-то?

– Это ты не волнуйся, – сказала Таня, вглядываясь в кусты, – она лучше нас знает... Действительно. И как только сохранился.

За кустами было что-то темное, грязно-бурое и очень старое. На первый взгляд это напоминало могильный холмик на месте погребения не очень значительного кочевого князя, в последний момент успевшего принять какое-то странное христианство: из длинного и узкого земляного выступа косо торчала широкая крестообразная конструкция из искореженного металла, в которой с некоторым усилием можно было узнать полуразрушенный хвост самолета, при падении отвалившийся от фюзеляжа. Фюзеляж почти весь ушел в землю, а в нескольких метрах перед ним сквозь орешник и траву виднелись контуры отвалившихся крыльев, на одном из которых чернел расчищенный крест.

– Я по альбому смотрела, – нарушила молчание Маша, – вроде это штурмовик «Хейнкель». Там две модификации было – у одной тридцатимиллиметровая пушка под фюзеляжем, а у другой что-то еще. Не помню. Да и не важно.

– Кабину открывала? – спросила Таня.

– Нет, – сказала Маша. – Одной страшно было.

– Вдруг там нет никого?

– Да как же, – сказала Маша, – фонарь-то цел. Гляди. – Она шагнула вперед, отогнула несколько веток и ладонью отгребла слой многолетнего перегноя.

Таня наклонилась и приблизила лицо к стеклу. За ним виднелось что-то темное и, кажется, мокрое.

– А сколько их там было? – спросила она. – Если это «Хейнкель», то ведь и стрелок должен быть?

– Не знаю, – сказала Маша.

– Ладно, – сказала Таня, – Тыймы определит. Жаль, фонарь закрыт. Если бы хоть волос клок или косточку, куда легче было бы.

– А так она не может?

– Может, – сказала Таня, – только дольше. Темнеет уже. Пошли ветки собирать.

– А на качество не влияет?

– Что значит «качество»? – спросила Таня. – Какое тут вообще бывает качество?

Костер разгорелся и давал уже больше света, чем закрытое низкими облаками вечернее

небо. Маша заметила, что у нее появилась нетерпеливо приплясывающая на траве длинная тень, и ей стало немного не по себе – тень явно чувствовала себя уверенней, чем она. Маша ощущала, что в своем городском платье она выглядит глупо, зато наряд Тыймы, на который весь день с недоумением пялились встречные, в прыгающем свете костра стал казаться самой удобной и естественной для человека одеждой.

– Ну что, – сказала Таня, – скоро начнем.

– А чего ждем-то? – шепотом спросила Маша.

– Не торопись, – так же тихо ответила Таня, – она сама знает, когда и что. Ничего ей говорить сейчас не надо.

Маша села на землю рядом с подругой. – Жуть берет, – сказала она и потерла ладонью то место на куртке, за которым было сердце. – А сколько ждать?

– Не знаю. Всегда по-разному бывает. Вот в прошлом году... – Маша вздрогнула. Над поляной пронесся сухой удар бубна, сменившийся звоном множества колокольчиков.

Тыймы стояла на ногах, нагнувшись вперед, и вглядывалась в кусты на краю оврага. Еще раз ударив в бубен, она два раза, перемещаясь против часовой стрелки, обежала поляну, с удивительной легкостью перепрыгнула стену кустов и исчезла в овраге. Снизу донесся ее жалобный и полный боли крик, и Маша решила, что Тыймы сломала себе ногу, но Таня успокаивающе прикрыла глаза.

Из оврага понеслись частые удары бубна и быстрое бормотание. Потом стало тихо, и Тыймы появилась из кустов. Теперь она двигалась медленно и церемониально, дойдя до центра поляны, она остановилась, подняла руки и стала ритмично постукивать в бубен. Маша на всякий случай закрыла глаза.

К ударам бубна вскоре добавился новый звук – Маша не заметила момента, когда он появился, и сначала не поняла, что это. Сначала ей показалось, что рядом играет неизвестный смычковый инструмент, а потом она поняла, что эту пронзительную и мрачную ноту выводит голос Тыймы.

Казалось, этот голос возникал в совершенно особом пространстве, которое он сам создавал и по которому перемещался, наталкиваясь на множество объектов неясной природы, каждый из которых заставлял Тыймы издать несколько резких гортанных звуков. Отчего-то Маша представила себе сеть, которая волочится по дну темного омута, собирая все, что попадаете навстречу. Вдруг голос Тыймы за что-то зацепился – Маша почувствовала, что она пытается освободиться, но не может.

Маша открыла глаза. Тыймы стояла недалеко от костра и пыталась вытащить свою кисть из пустоты. Она изо всех сил дергала рукой, но пустота не поддавалась.

– Нилти доглонг, – угрожающе сказала Тыймы, – нилти джамай! – У Маши возникло ясное ощущение, что пустота перед Тыймы сказала что-то в ответ.

Тыймы засмеялась и встряхнула бубном. – Nein, Herr General, – сказала она, – das hat mit Ihnen gar nicht zu tun. Ich bin hier wegen ganz anderer Angelegenheit.

Пустота что-то спросила, и Тыймы отрицательно покачала головой.

– Она что, по-немецки говорит? – спросила Маша.

– Когда камлает, говорит, – сказала Таня. – Она тогда по-любому может.

Тыймы еще раз попыталась выдернуть руку. – Heute ist schon zu spat, Herr General. Verzeirheng, ich hab es sehz eilig, – раздраженно бросила она.

На этот раз Маша почувствовала исшедшую из пустоты угрозу. – Wozu? – презрительно крикнула Тыймы, сорвала с плеча георгиевскую ленту с двумя ржавыми гвоздями и раскрутила ее над головой. – Нилти джамай! Бляй будулан!

Пустота отпустила ее руку с такой быстротой, что Тыймы повалилась в траву. Упав, она

засмеялась, повернулась к Тане с Машей и отрицательно покачала головой.

– Что такое? – спросила Маша.

– Плохо дело, – сказала Таня. – В нижнем мире твоего клиента нет.

– А может, она не до конца досмотрела? – спросила Маша.

– А какой там, по-твоему, конец? Там никакого конца нет. И начала тоже.

– Что же делать теперь?

– Можно в верхнем посмотреть, – сказала Таня, – только шансов мало. Ни разу не получалось еще. Но попробовать, конечно, можно.

Она повернулась к Тыймы, которая по-прежнему сидела на траве, и ткнула пальцем вверх. Тыймы кивнула, подошла к лежащей у дерева теннисной сумке и вынула оттуда другой бубен. Потом она достала банку кока-колы и, тряхнув головой, сделала несколько глотков, чем-то напомнив Маше Мартину Навратилкову на Уимблдонском корте.

Бубен верхнего мира звучал иначе: тише и как-то задумчивей. Голос Тыймы, взявший длинную заунывную ноту, тоже изменился и вместо страха вызвал у Маши умиротворение и легкую грусть. Повторялось то же самое, что и несколько минут назад, только теперь происходящее было не жутким, а возвышенным и неуместным – потому неуместным, что даже Маша поняла: совершенно незачем тревожить те области мира, к которым обращалась Тыймы, подняв лицо к темному небу в просветах между ветвями и легонько постукивая в свой бубен.

Маше вспомнила старый мультфильм про похождения маленького серого волка в каких-то очень тесных, густо и мрачно размалеванных подмосковных пространствах, в мультфильме все это иногда исчезало и непонятно откуда появлялся залитый полуденным солнцем простор, почти прозрачный, где по бледной акварельной дороге шел вдаль еле прорисованный перышком странник.

Маша потрясла головой, чтобы прийти в себя, и огляделась. Ей показалось, что составные части окружающего – все эти кусты и деревья, травы и темные облака, только что плотно смыкавшиеся друг с другом, – раздвинулись под ударами бубна, и в просветах между ними открылся на секунду странный, светлый и незнакомый мир.

Голос Тыймы на что-то наткнулся, попытался пройти дальше, не смог и застыл на одной напряженной ноте.

Таня дернула Машу за руку. – Ты смотри, есть, – сказала она, – нашли. Сейчас подсечет... – Тыймы воздела руки вверх, пронзительно крикнула и повалилась в траву.

До Маши донесся далекий гул самолета. Он приходил непонятно откуда и звучал долго, а когда затих, в овраге раздалась целая серия звуков: стук в стекло, лязганье ржавого железа и тихий, но отчетливый мужской кашель.

Таня встала, сделала несколько шагов в сторону оврага, и тут Маша заметила стоящую на краю поляны темную фигуру.

– Шпрехен зи дойч? – хрипло проговорила Таня. – Фигура молча двинулась к огню. – Шпрехен зи дойч? – пяťась, повторила Таня, – глухой, что ли?

Красноватый свет костра упал на крепкого мужика лет сорока в кожаной куртке и летном шлеме. Подойдя, он сел напротив хихикнувшей Тыймы, скрестил ноги и поднял глаза на Таню.

– Шпрехен зи дойч?

– Да брось ты, – спокойно сказал мужик, – заладила. – Таня разочарованно присвистнула.

– Кто будете? – спросила она.

– Я-то? Майор Звягинцев. Николай Иванович. А вы вот кто? – Маша с Таней переглянулись.

– Непонятно, – сказала Таня, – какой еще майор Звягинцев, если самолет немецкий?

– Самолет трофейный, – сказал майор. – Я его на другой аэродром перегонял, а тут...

Лицо майора Звягинцева перекошилось – было видно, что он вспомнил что-то до крайности

неприятное.

– Так вы что, – спросила Таня, – советский?

– Да как сказать, – ответил майор Звягинцев, – был советский, а сейчас не знаю даже. У нас там все иначе.

Он поднял взгляд на Машу, та отчего-то смутилась и отвела глаза.

– А вот вы здесь к чему, девушки? – спросил он. – Ведь пути живых и мертвых различны. Или не так?

– Ой, – сказала Таня, – извините пожалуйста. Мы советских не тревожим. Это из-за самолета так вышло. Мы думали, там немец.

– А немец вам зачем?

Маша подняла глаза и поглядела на майора. У него было широкое спокойное лицо, слегка курносый нос и многодневная щетина на щеках. Такие лица нравились Маше – правда, майора немного портила пулевая дырка на левой скуле, но Маша уже давно решила, что совершенства в мире нет, и не искала его в людях, а тем более в их внешности.

– Да понимаете, – сказала Таня, – сейчас ведь время такое, каждый прирабатывает как может. Ну и мы вот с ней... – Она кивнула на безучастную Тыймы. – Короче, работа у нас такая. Сейчас ведь все отсюда валят. За фирму замуж выйти – это четыре косаря зеленых. А мы в среднем за пятьсот делаем.

– Что же, с усопшими? – недоверчиво спросил майор.

– Да подумаешь. Гражданство-то остается. Мы с таким условием оживляем, чтоб женился. Обычно немцы бывают. Немецкий труп у нас примерно как живой негр из Зимбабве идет или русскоязычный еврей без визы. Лучше всего, конечно, – испанец из «Голубой дивизии», но это дорогой покойник. Редкий. Ну и итальянцы еще есть, финны. А румын с венграми даже и не трогаем.

– Вот оно что, – сказал майор. – А долго они потом живут?

– Да года три, – сказала Таня.

– Мало, – сказал майор. – Не жалко их?

На минуту Таня задумалась, ее красивое лицо стало совсем серьезным, и между бровями наметилась глубокая складка. Наступила тишина, которую нарушало только потрескивание сучьев в костре да тихий шелест листвы.

– Строгий вопрос, – сказала она наконец. – Вы как, всерьез спрашиваете?

– На всю катушку. – Таня подумала еще чуть-чуть. – Я так слышала, – заговорила она, – есть закон земли и есть закон неба. Проявишь на земле небесную силу, и все твари придут в движение, а невидимые – проявятся. Внутренней основы у них нет, и по природе они всего лишь временное сгущение тьмы. Поэтому и недолго остаются в круговороте превращений. А в глубинной сути своей пустотны, оттого не жалею.

– Так и есть, – сказал майор. – Крепко понимаешь. Морщинка между таниных бровей разгладилась. – А вообще, если честно – работы столько, что и думать некогда. За месяц обычно штук десять делаем, зимой меньше. На Тыймы в Москве очередь на два года вперед.

– А эти, которых вы оживляете, они что, всегда соглашаются?

– Почти, – сказала Таня. – Там же тоска страшная. Темно, тесно, благодати нет. Скрежет. Правда, как у вас, не знаю, из верхнего мира у нас еще клиента не было. Но, конечно, и внизу все мертвецы разные. Год назад под Харьковом такое было – жуть. Танкист один из «Мертвой головы» попался. Одели мы его, значит, помыли, побрили, объяснили все. Вроде согласился. Невеста у него хорошая была, Марина с журфака. Сейчас за японского морячка вроде пристроили... Господи, видели б вы, как они всплывают... Как вспомню... Про что это я говорила?

– Про танкиста, – сказал майор.

– А, ну да. Короче, мы ему денег дали немного, чтоб человеком себя почувствовал. Он, понятно, пить начал, сначала они все пьют. И тут в какой-то палатке ему водку не продали. Рубли попросили. А у него только купоны были и марки оккупационные. Так он им сначала из парабеллума витрину разнес, а ночью на «тигре» приехал и все ларьки перед вокзалом утрамбовал. С тех пор танк этот часто по ночам видят. Так и ездит по Харькову, коммерческие палатки давит. А днем исчезает. Куда – непонятно.

– Бывает такое, – сказал майор, – в мире много странного.

– С тех пор мы только по вермахту работать стали. А с СС никаких дел. Они все двинутые какие-то. То сельсовет захватят, то петь начнут. А жениться не хотят, устав запрещает.

Над поляной пронесся сильный порыв холодного ветра. Маша оторвала замороженный взгляд от майора Звягинцева и увидела, как из трех ответвлений стоявшего на краю поляны дерева вышли три прозрачных человека неопределенного вида. Тыймы испуганно вскрикнула и мгновенно забилась Тане за спину.

– Ну вот, – пробормотала Таня, – начинается. Да не бойся ты, дуреха старая, не тронут.

Она встала и пошла навстречу прозрачным людям, издали делая им успокаивающие жесты, совсем как нарушивший правила водитель остановившему его инспектору. Тыймы сжалась в комок, вдавила голову в колени и мелко затряслась. Маша на всякий случай подвинулась ближе к костру и вдруг всем телом почувствовала обращенный на нее взгляд майора Звягинцева. Она подняла глаза. Майор печально улыбнулся.

– Красивая вы, Маша, – тихо сказал он. – Я ведь, когда Тыймы ваша звать меня стала, в саду работал. Звала она, звала, надоела страшно. Хотел уж вас всех шугануть, выглянул, значит, и тут вас увидел, Маша. И так вы меня поразили, слов не найду. В школе у меня подруга была похожая, Варей звали. Такая же, как вы, была, и тоже нос в веснушках. Только волосы длинные носила. Любил я ее. Если б не вы, Маша, я бы сюда пришел разве?

– А у вас там что, сад есть? – чуть покраснев, спросила Маша.

– Есть.

– А как это место называется, где вы живете?

– У нас никаких названий нет, – сказал майор. – Поэтому и живем в покое и радости.

– А как там у вас вообще?

– Нормально, – сказал майор и опять улыбнулся.

– Что, – спросила Маша, – и вещи есть, как у людей?

– Как вам сказать, Маша. С одной стороны как бы есть, а с другой – как бы нет. В общем, все такое приблизительное, расплывчатое. Но это только если вдуматься.

– А где вы живете?

– У меня там как бы домик с участком. Тихо так, хорошо.

– А машина есть? – спросила Маша и сразу же смутилась, таким глупым показался ей собственный вопрос.

– Если захочется, бывает. Отчего не быть.

– А какая?

– Когда как, – сказал майор. – И печь бывает микроволновая, и это... машина стиральная. Стирать только нечего. И телевизор цветной бывает. Правда, канал всего один, но все ваши в нем есть.

– Телевизор тоже когда какой?

– Да, – сказал майор. – Когда «Панасоник» бывает, когда «Шиваки». А как припомнишь – глядь, и нет ничего. Только пар зыбкий клубится... Да я же говорю, все как у вас. Единственно, названий нет. Безымянно все. И чем выше, тем безымянней.

Маша не нашлась, что еще спросить, и замолчала, обдумывая последние слова майора. Таня тем временем что-то горячо доказывала трем прозрачным людям:

– А я вам еще раз говорю, что она от грома шаманит, – долетал ее голос, – все по закону. Ее в детстве молнией ударило, а потом ей дух грома кусочек жести подарил, чтоб она себе козырек сделала... А чего это я вам предъявлять буду? Почему она с собой носить должна? Никогда таких проблем не возникало... Постыдились бы к старой женщине придирааться. Лучше бы в Москве с народными целителями порядок навели. Такая чернуха прет – жить страшно, а вы к старухе... И пожалуюсь...

Маша почувствовала, как майор прикоснулся к ее локтю. – Маша, – сказал он, – я пойду сейчас. Хочу тебе одну вещь подарить на память.

Маша заметила, что майор перешел на «ты», и ей это понравилось.

– Что это? – спросила она.

– Дудочка, – сказал майор. – Из камыша. Ты, как от этой жизни устанешь, так приходи к моему самолету. Поиграешь, я к тебе и выйду.

– А в гости к вам можно будет? – спросила Маша.

– Можно, – сказал майор. – Клубники поешь. Знаешь, какая у меня там клубника.

Он поднялся на ноги. – Так придешь? – спросил он. – Я ждать буду. – Маша еле заметно кивнула. – А как же вы... Вы ведь живой теперь? Майор пожал плечами, вынул из кармана кожаной куртки ржавый ТТ и приставил к уху.

Грохнул выстрел. Таня обернулась и в страхе уставилась на майора, который пошатнулся, но удержался на ногах. Тыймы подняла голову и захихикала. Опять подул холодный ветер, и Маша увидела, что никаких прозрачных людей на краю поляны больше нет.

– Буду ждать, – повторил майор Звягинцев и, покачиваясь, пошел к оврагу, над которым разлилось еле видимое радужное сияние. Через несколько шагов его фигура растворилась в темноте, как кусок рафинада в стакане горячего чая.

Маша глядела в окно тамбура на проносящиеся мимо огорода и домики и тихо плакала.

– Ну чего ты, Маш, чего? – говорила Таня, заглядывая подруге в заплаканное лицо. – Плюнь, бывает такое. Хочешь, поедем с девками под Архангельск. Там в болоте Б-29 лежит американский, «Летающая крепость». Одиннадцать человек, всем хватит. Поедешь?

– А когда вы ехать хотите? – спросила Маша.

– После пятнадцатого. Ты, кстати, пятнадцатого приходи к нам на праздник чистого чума. Придешь? Тыймы мухоморов засушила. На бубне верхнего мира тебе постучим, раз уж понравилось так. Слышь, Тыймы, правда здорово будет, если Маша к нам в гости придет?

Тыймы подняла лицо и широко улыбнулась в ответ, показывая коричневые осколки зубов, в разные стороны торчащие из десен. Улыбка вышла жуткая, потому что глаза Тыймы были скрыты свисающими с шапки кожаными ленточками и казалось, что она улыбается одним только ртом, а ее невидимый взгляд остается холодным и внимательным.

– Не бойся, – сказала Таня, – она добрая. Но Маша уже смотрела в окно, сжимая в кармане подаренную майором Звягинцевым камышовую дудочку, и напряженно о чем-то думала.

Бубен нижнего мира

Раз уж так вышло, что читатель – или читательница, что мне особенно приятно – набрел на этот небольшой рассказ, раз уж он решил на несколько минут довериться тексту и впустить в свою душу некое незнакомое изделие, мы просим его как следует запомнить словосочетание «Бубен Нижнего Мира» и попросить прощения за то, что ниже будут встречаться ссылки на словари и размышления о предметах, на первый взгляд не относящихся прямо к теме, все это получит свое объяснение. Да и потом, что значит – относящийся к теме, не относящийся к теме? Ведь связь, невидимая рассудку, может существовать на ассоциативном уровне, где происходят самые тонкие духовные процессы.

На память приходит случай, описанный в недавно изданных во Франции воспоминаниях доктора Чазова: как-то, прогуливаясь с ним по пустой Третьяковской галерее, Брежнев с испугом спросил, что это за мужчина в сером костюме, что так странно глядит на него сквозь предсмертный туман. Чазов осторожно ответил, что впереди зеркало. Брежнев некоторое время задумчиво молчал, а затем – видимо, под влиянием возникшей ассоциации – перевел разговор на ленинскую теорию отражения, которая, по словам генсека, любившего иногда приоткрывать своим приближенным мрачные тайны марксизма, была на самом деле секретной военной доктриной, посвященной одновременному ведению боевых действий на суше, на море и в воздухе. Мы видим, как странно преломляется в инфернальной коммунистической психике термин, не допускающий, казалось бы, никакой двоякости в своем толковании, удивительно также, что важная смысловая линия (зеркало) неожиданно появляется в нашем рассказе в связи с Брежневым, который не имеет к Бубну Нижнего Мира вообще никакого отношения.

Впрочем, мы слишком увлеклись примером, призванным всего лишь показать, что возникающие в нашем сознании смысловые связи часто неуловимы для нас самих, хоть все и лежит, если вдуматься, на поверхности. Вернемся к нашему бубну нижнего мира. Полагаем, что после приведенного выше примера читатель не удивится, если перед разговором о собственно Бубне Нижнего Мира речь пойдет о лучах – тем более что причина такого скачка скоро станет ясна.

«Луч... 2. мн. ч. лучи, -ей. Физ. Направленный поток каких-л. частиц или энергии электромагнитных колебаний, а также линия, определяющая направление потока.»

Таково одно из определений, даваемых четырехтомным словарем русского языка, выпущенным Академией наук СССР. Интересно, что даже в небольшом объеме процитированного текста намечено много смысловых ветвлений. Лучом может быть поток частиц, электромагнитные колебания и чистая абстракция: линия. В числе прочего из этого определения можно выудить и такую концепцию: лучи – это направленный поток энергии.

Складывается интересная ситуация. Дав определение одному слову, мы оказываемся перед необходимостью определять составляющие первое определение термины. Подобно тому как свет, проходя сквозь прозрачный объект, имеющий специальную конфигурацию (призма), расслаивается и разделяется, заключенное в одном слове значение оказывается размазанным в нескольких словах, и для выделения интересующего нас смыслового спектра оказывается необходимой обратная операция, эквивалентная действию, которое оказал бы на расщепленный свет другой оптический объект (обратная призма). Попробуем все же разобраться с употребленными в определении выражениями.

Что такое энергия? Упомянутый выше словарь предлагает такое объяснение: «Энергия – способность какого-л. тела, вещества и т. п. производить какую-л. работу или быть источником той силы, которая может производить работу.» Приводится пример: «Он долго носился с

мыслью использовать энергию одного бурного таежного потока, чтоб получить дешевый бурый уголь. Шишков, Угрюм-река.»

Надо сказать, что мы носимся с несколько иной мыслью. Нас посещают самые разные идеи, позднее мы поделимся некоторыми из них. А пока вернемся к обсуждению понятия «энергия», от которого нас отвлекла наша глупая привычка говорить сразу обо всем на свете. Легко видеть, что под приведенное определение подпадает самый широкий круг феноменов, присутствие сокращения «и т.п.» показывает, что энергией могут обладать не только тела и вещества, но и все способное воздействовать, в том числе события, совпадения, идеи, искусство – стоит ли продолжать этот перечень? А сама энергия и есть способность воздействовать, измеряемая, когда воздействие произведено.

Мы уже почти приблизились к Бубну Нижнего Мира и просим еще немного терпения у читателя, уже, вероятно, до смерти уставшего от нашей болтовни.

Устать до смерти... Как все же странна наша идиоматика – бытовое состояние переплетено в ней с самым страшным, что ждет человека. Как примирить наш дух с неизбежностью смерти? Этим вопросом традиционно озабочены лучшие умы человечества, что легко подтвердить хотя бы фактом нашего обращения к данной теме. Еще раз раскроем цитированный словарь:

«Смерть... 2. Прекращение существования человека, животного.»

Первого определения мы не приводим, потому что там встречается одно пугающее нас слово (гибель). Как заметил албанский юморист Гайдур Джемалия, даже существо, победившее смерть, оказывается совершенно беззащитным перед гибелью. Здесь, кстати, возникает интересная проблема – откуда берется страх? Возникает ли он в наших душах? Или, наоборот, душа – всего лишь опосредствующее образование (своеобразный отражатель), перенаправляющий объективно существующий в мире ужас, поворачиваясь к нему под таким углом, что его адское мерцание, отразившись от чего-то в нашем сознании, проникает в самые глубокие слои психики? Как знать. Особенно угнетает то, что мы можем не распознать этих моментов и понести в себе незаметные, но незаживающие и смертельные раны, бывает ведь так, что вдруг портится настроение и человека охватывает депрессия, хотя поводов к тому, казалось бы, никаких, так же и со смертью, наступающей изнутри.

Да, смерть – это прекращение существования человека. Но вот вопрос: где проходит реальная граница между жизнью и смертью? В какой временной точке ее искать? Тогда ли, когда в бессознательном теле останавливается сердце? Тогда ли, когда исчезает сознание? Ведь личности после этого уже не существует. Тогда ли, когда, пропитываясь окружающим нас ядом, трансформируется душа и на месте одного человека постепенно вызревает другой? Ведь при этом исчезает прежняя личность. Тогда ли, когда ребенок становится юношей? Юноша – взрослым? Взрослый – стариком? Старик – трупом? Не является ли слово «смерть» обозначением того, что непрерывно происходит с нами в жизни? Не является ли жизнь умиранием, а смерть – его концом? И вот еще: нельзя ли сказать, что событие, в сущности, происходит тогда, когда становится необратимым?

В свое время по всем этим поводам великолепно высказался Мишель де Монтень, высокая энергия мысли и изящество удивительным образом переплетаются в его словах.

«...Если угодно, вы становитесь мертвыми, прожив свою жизнь, но проживаете вы ее умирая: смерть, разумеется, несравненно сильнее поражает умирающего, нежели мертвого, гораздо острее и глубже.»

«Сколько бы вы ни жили, вам не сократить того срока, в течение которого вы пребудете мертвыми. Все усилия здесь бесцельны: вы будете пребывать в том состоянии, которое внушает вам такой ужас, столько же времени, как если бы вы умерли на руках кормилицы.»

«Где бы ни окончилась ваша жизнь, там ей и конец.»

Впрочем, отсылаем интересующихся этим и подобными вопросами к первоисточнику, где на каждой странице встречается тот же способ компоновки идей (прозрачная диалектическая спираль), что и в процитированных отрывках. Вернемся, наконец, к нашему Бубну Нижнего Мира – но перед этим сделаем еще одно, последнее, отступление.

Допустим, кому-то в голову придет создать лучи смерти. Из предыдущего анализа видно, что для этого надо построить аппарат, направленное посылающий ведущее к смерти влияние. Традиционный путь – технический. При этом придется долго возиться с паяльником и перебирать разные детали, одна из которых (глядящая в душу дырочка ствола) вообще не выпускается. Этот путь не для нас.

Но не подойти ли к задаче по-другому? Почему излучение должно обязательно исходить от тривиального электроприбора? Ведь информация – тоже способ направленной передачи различных воздействий. Нельзя ли создать ментальный лазер смерти, выполненный в виде небольшого рассказа? Такой рассказ должен обладать некоторыми свойствами оптической системы, узлы которой удобно выполнить с помощью их простого описания, оставив подсознательную визуализацию и сборку читателю. Рассказ должен обращаться не к сознанию, которое может его вообще не понять, а к той части бессознательного, которая подвержена прямой суггестии и воспринимает слова вроде «визуализация» и «сборка» в качестве команд. Именно там и будет собран излучатель, ментальная оптика которого для большей надежности должна быть отделена от остальных психоформ наклонными скобками.

В качестве рабочего тела для этого виртуального прибора удобно воспользоваться чьими-нибудь глубокими и эмоциональными мыслями по поводу смерти. Ментальный лазер может работать на Сологубе, Достоевском, молодом Евтушенко и Марке Аврелии, подходит также «Исповедь» Толстого и некоторые места из «Опытов» Монтеня. Очень важным является название этого устройства, потому что психическая энергия, на которой он работает, будет поступать из осознающей части психики через название, которое должно надежно закрепиться в памяти. На мой взгляд, словосочетание «Бубен Нижнего Мира» годится в самый раз – есть в нем что-то детское и трогательное, да и потом, его почти невозможно забыть.

И последнее. Проницательный читатель без труда угадает, в какой момент сработает собранный в его подсознании ментальный самоликвидатор.

Менее проницательному подскажем, что это произойдет в тот момент, когда он где-нибудь наткнется на слова «луч смерти сфокусирован».

Впрочем, в течение некоторого времени действие лучей смерти обратимо. Лицам, интересующимся тем, как демонтировать Бубен Нижнего Мира, предлагаем перевести <...> рублей на счет <...> и указать свой адрес.

Принимающим все это за шутку мы рекомендуем поставить простой опыт: засечь по часам время и попробовать не думать о Бубне Нижнего Мира ровно шестьдесят секунд.

Когда дверь, к которой Любочку прижала невидимая сила, все же раскрылась, оказалось, что троллейбус уже тронулся и теперь надо прыгать прямо в лужу. Любочка прыгнула, и так неудачно, что забрызгала холодной слякотью полу пальто, а уж на сапоги лучше было просто не смотреть. Выбравшись на узкий тротуар, она оказалась между двумя встречными потоками огромных грузовых машин, ревущих и брызжущих смесью грязи с песком и снегом. Светофора здесь не было, потому что не было перехода, и приходилось ждать, когда в сплошной стене высоких кузовов – железных (ободранных, с грубо приваренными для жесткости ребрами) и деревянных (ничего и не скажешь про них, но страшно, страшно) – появится просвет. Грузовики, без конца шедшие мимо, производили такое гнетущее впечатление, что было даже неясно – чья же тупая и жестокая воля организует перемещение этих заляпанных мазутом страшилищ сквозь серый ноябрьский туман, накрывший весь город. Не очень верилось, что этим занимаются люди.

Наконец в сплошной стене кузовов стали появляться просветы. Любочка прижала пакет к груди и деликатно сошла на дорогу, стараясь наступать на черные пятна асфальта среди студенистой грязи. Напротив желтел длинный забор троллейбусного парка с широкими черными воротами – их обычно запирали к восьми тридцати, но сейчас одна створка была открыта и еще можно было прошмыгнуть.

– Куда идешь-то! – крикнула Любочке задорная бабав оранжевой безрукавке, с ломом в руках стоявшая за воротами. – Не знаешь – опоздавшим вход через проходную! Директор велел.

– Я быстренько, – пробормотала Любочка и попыталась пройти мимо.

– Не пуцу тебя, – с улыбкой сказала баба и переместилась в самый центр прохода, – не пуцу. Приходи вовремя.

Любочка подняла глаза: баба стояла, прижимая упертый в асфальт лом к боку и сцепив пухлые кисти на животе, большие пальцы ее рук вращались друг вокруг друга, будто она наматывала на них невидимую нить. Улыбалась она так, как советского человека научили в шестидесятые годы – с намеком на то, что все обойдется, – но проход заслоняла всерьез. Справа от нее была будка с фанерным щитом наглядной агитации, где на фоне Евразии обнимались трое – некто под опущенным на лицо черным забралом и со странным оружием в руках, человек с холодным недобрый взглядом, одетый в белый халат и шапочку, и Бог знает как попавшая в эту компанию девушка в полосатом азиатском наряде. Над щитом была прибита фанерная полоса с надписью:

ВСЯКИЙ ВХОДЯЩИЙ

В ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ!

НЕ ЗАБУДЬ НАДЕТЬ СПЕЦОДЕЖДУ!

Любочка повернула и пошла к проходной. Для этого надо было обогнуть угол высоченного дома с покрашенными до третьего этажа окнами – там, говорили, помещался какой-то секретный институт, – а потом идти вдоль желтого забора к серой кирпичной постройке, украшенной вывесками с волшебными словами: «УПТМ», «АСУС» и еще что-то черное на коричневом фоне.

Внутри, в ответвлении коридора, возле окошек касс в тяжелых облаках дыма хохотали шоферы. Любочка через другую дверь вышла в огромный двор парка, уже пустой и похожий на покинутый аэродром. На всем пространстве между циклопическими зданиями боксов и воротами, через которые Любочка пыталась пройти три минуты назад, не было видно никого, кроме высокого мужчины в красном фартуке, с большим широкоскулым лицом. Он держал в мускулистых розовых руках щит с надписью «КРЕПИ ДЕМОКРАТИЮ!» и шагал прямо на

Любочку, а неопределенное цветное месиво за его спиной, если приглядеться, оказывалось неисчислимой армией тружеников, среди которых было даже несколько негров. Этот плакат, висевший на одном из боксов, создали в малярном цехе еще весной, и Любочка давно привыкла, что он встречает ее каждое утро. Плакат был устроен умно: текст призыва можно было менять, подвешивая на двух крюках новую фанерку, и сначала там были слова: «КРЕПИ ТРУДОВУЮ ДИСЦИПЛИНУ», потом, в период некоторой политической неясности – «БЕРЕГИ РАБОЧУЮ ЧЕСТЬ», а сейчас, к празднику, повесили новый призыв, которого Любочка еще не видела.

Она дошла до дверей административного корпуса и поднялась на второй этаж, в техотдел, где уже третий год работала инженером по рационализации.

В коридоре, между доской почета и стендом с фотографиями побывавших в вытрезвителе сотрудников, висело зеркало, и Любочка остановилась поглядеть на себя.

Она была маленькая, в черной синтетической шубке и спортивной шапочке, на которой были вышиты два красных зубца в синей окантовке. Лицо у нее было чуть обезьянье, испуганное от рождения, и когда она улыбалась, было видно, что она делает это с усилием и как бы выполняя то единственное служебное действие, на которое способна.

Расстегнув шубку (под ней была белая кофточка с широкой черной полосой на груди) и прижавшись к зеркалу, чтобы пропустить двух работяг в ватниках, горячо обсуждавших на ходу какое-то дело (и так махавших при этом руками, что не дай Бог кому-нибудь было оказаться на пути огромных растрескавшихся кулаков), она увидела почти вплотную свое припудренное лицо с ясно заметными морщинками у глаз. Двадцать восемь лет – это все-таки двадцать восемь лет, и уже не так легко быть порхающей по коридорам девочкой, подобием живого фикуса, на котором отдыхают утомленные крупногабаритными железными предметами мужские взгляды.

Она еще раз улыбнулась в зеркало и потянула на себя дверь с табличкой «Техотдел». Ее стол стоял в углу, у истыканной доски кульмана, и сейчас за ним, глядя прямо ей в глаза, сидел директор парка Шушпанов, похожий на сильно растолстевшего Раймонда Паулса. В руке у него был маленький пестрый флажок, вынутый из старинной китайской вазы, где у Любочки стояли ручки и карандаши. Флажок остался с того дня, когда весь техотдел сняли с работы, чтобы встречать какого-то экзотического президента – тогда всем выдали такие и велели махать при появлении машин. Любочка сохранила его на память из-за какого-то особенно оптимистического глянца. Когда она вошла, Шушпанов так крутанул между пальцев ее амулет, что вместо двух треугольников над его рукой возникло размытое красноватое облако.

– Здравсьте, Любовь Григорьевна! – сказал он в отвратительно галантной манере. – Задерживаетесь?

Любочка в ответ пролепетала что-то про метро, про троллейбус, но Шушпанов ее перебил:
– Ну я же не говорю – опаздываете. Я говорю – задерживаетесь. Понимаю – дела. Парикмахерская там, галантерея...

Вел он себя так, словно и правда говорил что-то приятное, но больше всего ее напугало то, что к ней обращаются на «вы», по имени-отчеству. Это делало все происходящее крайне двусмысленным, потому что если опаздывала Любочка – это было одно, а если инженер по рационализации Любовь Григорьевна Сухоручко – уже совсем другое.

– Как у вас дела? – спросил Шушпанов.

– Ничего.

– Я про работу говорю. Сколько рацпредложений?

– Нисколько, – ответила Любочка, а потом наморщилась и сказала: – Хотя нет. Приходил Колемасов из жестяного цеха – он там придумал какое-то усовершенствование. К таким большим ножницам – жесьть резать. Я еще не оформила.

– Понятно. А в прошлом месяце?

– Было два. Уже выплатили.

– Ага.

Директор положил флажок, соединил возле груди растопыренные пальцы и закатил глаза, шевеля губами и делая вид, что что-то подсчитывает.

– Двадцать рублей. Ну а мы вам сколько платим?

И сам себе ответил:

– Сто семьдесят. Итого – сто пятьдесят рублей разницы. Понимаете мою мысль?

Любочка понимала. И не только эту мысль, но и многое другое, чего директор, наверное, вовсе не имел в виду. Ей показалось, что на ней, как лучи прожекторов, скрещиваются взгляды директора, начальника техотдела Шувалова, выглядывающего из маленькой смежной комнаты, превращенной им в кабинет, и всех остальных. И, чтобы не стоять неподвижно в самом фокусе садистического интереса трудового коллектива, она повернулась, повесила пакет на вешалку и стала медленно снимать шубу.

– Таким, значит, образом, – сказал директор, – сегодня обойдете все цеха и сообщите мне завтра утром о ваших успехах. Советую, чтобы они были.

Он встал из-за стола, миновал замершую у вешалки Любочку, размашисто и медленно перекрестился на цветную фотографию троллейбуса ЗиУ-9 в углу и вышел из комнаты.

Ни на кого не глядя, Любочка села на теплый от директорского зада стул (минут десять, наверное, ждал) и полезла в нижний ящик стола. Все в комнате молчали, поглядывая на спрятавшую лицо за тумбой Любочку и стараясь ни в коем случае не показать испытываемого удовольствия, – наоборот, лица сослуживцев изображали неопределенное сострадание пополам с гражданской ответственностью.

– Вот ведь как интересно! – сказал вдруг Марк Иванович Меннинзингер, решив, видимо, нарушить тягостную тишину.

– Что интересно? – спросил Толик Пурыгин, отрываясь от чертежа.

– Мы утром дроссель перетаскивали, чтоб не пылился – и такая мне мысль в голову пришла...

Марк Иванович замолчал, и Толик, догадавшись, что тот ждет вопроса, задал его:

– Какая мысль, Марк Иванович?

– А такая. Ток ведь не может по воздуху течь, верно?

– Верно.

– А если провод под током разорвать, что будет?

– Искра. Или дуга. Это от индуктивности зависит.

– Вот. Значит, все-таки течет по воздуху.

– Ну и что? – терпеливо спросил Толик.

– А то, что для тока сначала ничего не меняется. Он так и думает, что течет по проводу – ведь в воздухе нет... нет...

– Носителей заряда, – подсказал Толик.

– Да. Именно так. Поэтому когда провод уже порван...

– Во-первых, – сказал Шувалов, выходя из своей комнатки, – ток не думает. Его стихия иная. А во-вторых, при протекании разряда через газ происходит ионизация и появляются заряженные частицы. Я это точно знаю.

Он включил приделанный к стене приемник, отрегулировал громкость и вернулся в свой кабинет. В комнату вошло несколько невидимых балалаечников, они играли в такой манере, что если перед этим у кого-то из сидящих в техотделе и были сомнения насчет существования глубоких и истинно народных произведений для оркестра балалаек, то они сразу же исчезли.

Между тем у Любочки появилась уверенность, что она контролирует мускулы своего лица.

Несколько раз улыбнувшись за тумбой стола, она подняла голову, огляделась, придвинула к себе папку для заявок и принялась изучать предложенное новшество.

«...Заключается в том, что штанга металлорежущих ножниц комплектуется набором сменных грузов, что позволяет в результате несложной операции регулировать величину удельного момента, прикладываемого...»

Она на секунду зажмурилась, как делала всегда, когда бывало непонятно, и решила, что надо идти в жестяной цех выяснить все на месте. По-прежнему ни на кого не глядя, она встала, открыла дверцу шкафа, вынула новенький ватник с торчащей из кармана сложенной бумажкой и вышла в коридор.

На улице стало еще гаже – полетели крупные снежные хлопья. Упав на асфальт, они пропитывались водой, но не таяли окончательно, отчего двор, над которым разносилось исступленное бляение балалаек, покрылся слоем полупрозрачной холодной жижи. Остановясь под навесом, Любочка накинула на плечи ватник (чтобы сохранить дистанцию между собой и рабочими, она никогда не продевала руки в рукава), сделала деловое лицо и двинулась по направлению к парящему над двором широколицему мужчине в красном.

Метрах в двадцати от бокса стояли двое – Любочка сначала решила, что они из столовой, а когда подошла поближе, так и замерла: то, что она приняла за белые халаты, оказалось длинными ночными рубашками, и это была единственная одежда незнакомцев. Один из них был толстым и низеньким, уже в летах, а другой – стриженным наголо молодым человеком. Держась за руки, они внимательно разглядывали плакат.

– Обрати внимание, – говорил низенький, причем над его ртом поднимался пар, – на сложность концепции. Как это загадочно уже само по себе – плакат, изображающий человека, несущего плакат! Если развить эту идею до полагающегося ей конца и поместить на щит в руках мужчины в красном комбинезоне плакат, на котором будет изображен он сам, несущий такой же плакат, – что мы получим?

Молодой человек покосился на Любочку и ничего не сказал.

– Ничего, при ней можно, – сказал низенький и подмигнул Любочке, отчего она вдруг ощутила неожиданную неуверенную надежду.

– Мы получим модель вселенной, понятное дело, – ответил молодой человек.

– Ну, это ты загнул, – сказал низенький и опять подмигнул Любочке. – По-моему, это будет что-то вроде коридора между двумя зеркалами, в который ты опять залез без всякой необходимости. Ты вообще в курсе, где ты сейчас находишься?

Молодой человек вздрогнул и внимательно огляделся по сторонам.

– Вспомнил? Ну то-то. Так что ж ты сюда забрел?

– Я насчет смерти хотел выяснить, – виновато сказал молодой человек.

Его собеседник нахмурился.

– Сколько раз тебе говорить – никогда не надо забегать вперед. Но раз уж ты сюда попал, давай внесем некоторую ясность. Представь себе, что каждому из бесконечной вереницы плакатов соответствует свой мир – вроде этого. И в каждом из них есть такой же двор, такие же... стойла для мамонтов... Девушка, как они называются?

– Это боксы, – ответила Любочка. – А вам не холодно?

– Да нет. Ему все это снится. Ну да, боксы, и перед каждым из них кто-то стоит. Тогда место, где мы сейчас стоим, будет просто одним из таких миров, и окажется...

– Окажется... Окажется... Господи!

Молодой человек вскрикнул, выдернул руку и побежал к боксу. Его собеседник выругался и кинулся за ним, на ходу оборачиваясь и виновато всплескивая руками. Оба исчезли за углом.

– Дураки какие-то, – пробормотала Любочка и двинулась дальше. Подходя к прорезанной в

огромной двери бокса калитке, она уже думала о другом.

В жестяном цехе – небольшом помещении с высоким, в два этажа, потолком – было тихо и сумрачно. В центре возвышался обитый жостью стол, заваленный разноцветными металлическими обрезками, а у стены, на сдвинутых углом лавках, сидело трое человек. Они молча играли в домино – сдержанными и экономными движениями клали на стол фишки, иногда коротко комментируя очередной ход. Кроме коробки от домино, на чистом углу стола стояла пачка грузинского чая, несколько упаковок рафинада и три сделанных из черепов чаши с прилипшими к желтоватым стенкам чайниками. Любочка подошла к играющим и бодрым голосом сказала:

– А я к вам! Здравые, товарищ Колемасов!

– Привет, – рассеянно отозвался морщинистый дядька, сидевший с края, – как жизнь молодая?

– Ничего, спасибо, – сказала Любочка. – Я к вам по делу. По рацпредложению.

– Никак деньги принесла? – спросил Колемасов и пихнул локтем соседа в бок. Сосед улыбнулся.

– Уж сразу деньги, – сказала Любочка. – Надо оформить сначала.

– Ну так давай оформляй. Сейчас... Покажем...

Колемасов положил на стол фишку, чем, видимо, закончил партию – партнеры зашевелились, завздохали и побросали оставшиеся кости. Колемасов встал и пошел к верстаку, кивком пригласив за собой Любочку.

– Гляди, – сказал он. – К примеру, надо разрезать дюралевый лист.

Он вытащил из кучи обрезков блестящий серебристый треугольник и вставил его в раскрытую пасть ножниц.

– Попробуй.

Любочка положила журнал на стол, взялась за приваренную к ручке ножниц метровую трубу и потянула ее вниз. Но дюраль, видно, был слишком толстый – чуточку переместившись вниз, ручка замерла.

– Дальше не идет, – сказала Любочка.

– Во. А теперь делаем вот что.

Колемасов поднял с пола шестнадцатикилограммовую гирю, поднес ее к ножницам, побагровев, поднял ее на уровень груди и повесил на трубу.

– Давай жми.

Любочка всем своим весом надавила на трубу – та продвинулась еще немного и остановилась.

– Да сильней же надо, – сказал Колемасов и нажал на ручку сам – она медленно пошла вниз, и вдруг дюралевая пластина с треском разлетелась на две части, ручка дернулась, гиря соскочила и с тяжелым звуком врезалась в кафельный пол чуть левее любочкиного сапога.

– Вот такое усовершенствование, – сказал Колемасов.

Двое партнеров по домино с интересом следили за происходящим.

– Понятно, – сказала Любочка. – А тут сказано, что сменные грузы.

– Пока их нет, – ответил Колемасов. – Но смысл простой: нужно несколько гирь. Берешь и вешаешь – или по одной, или по несколько.

Любочка задумалась, пытаясь изобрести умный вопрос.

– Скажите, – наконец заговорила она, – а какой ожидается экономический эффект?

– Ой, не знаю. Не думал еще.

– Это надо обязательно. Или расчет экономического эффекта, или акт о его отсутствии. Еще нужен акт об использовании...

– Ну вот и составляй, – ответил Колемасов. – Ты ж по этим делам главная.

Он повернулся и пошел к корешам, один из которых уже начинал смешивать кости домино.

– А кто вам заявку писал? – спросила Любочка.

– Серега Каряев. Это мы с ним вместе придумали. Ты вот что – сходи в слесарный, он там как раз сейчас возится. Поговори.

Колемасов сел за стол и потянул к себе фишки.

Через минуту Любочка уже стояла у входа в слесарный, высматривая Каряева. Наконец она заметила в углу его крохотную перепачканную маслом мордочку в больших роговых очках. Каряев держал плоскогубцами длинное зубило, упертое в дно ржавого железного котла, а другой человек изо всех сил лупил по зубилу кувалдой. Любочка попробовала помахать им журналом, но они были слишком заняты и ничего не заметили. Тогда она пошла к ним сама.

– Очень просто, – сказал Каряев, выслушав Любочку. – Экономический эффект достигается за счет убыстрения слесарных работ. Надо подсчитать.

– А как?

– Будто сама не знаешь. Надо засечь, насколько быстрее проходит операция при использовании сменных грузов, и помножить на количество троллейбусных парков. Еще надо ввести коэффициент, учитывающий количество ножниц в каждом парке. И вычесть стоимость гирь. Это я примерную схему даю, ясно?

Каряев страдальчески морщился при каждом ударе кувалды, словно били не по зубилу, а по его голове, а Любочку грохот так оглушал, что ей стало казаться, будто Каряев говорит что-то очень умное. Вдруг каряевский напарник промахнулся и въехал кувалдой по котлу, отчего Любочке на секунду почудилось, что она стоит внутри огромного колокола. Каряев выпрямился и почесал ухо.

– Слышь, – сказал он, – я тебе завтра еще одну рацуху напишу. Видишь зубило? Вот я к нему приварю поперечину, чтоб держаться. А ты оформишь. Экономический эффект считать так же, только вычитать стоимость сварочных работ.

– А как ее узнать? – спросила Любочка.

– Как, как... В справочнике посмотри. Или позвони в институт сварки.

Каряев вдруг дернул Любочку за руку – они оба пригнулись, и над их головами с шелестом пронеслось что-то темное, размером с большую собаку.

Любочка выпрямилась, косясь на бьющуюся под потолком перепончатокрылую тварь, а Каряев поднял вылетевшее из плоскогубцев зубило, опять зажал его и приставил к котлу.

– Давай, Федор.

Федор прокашлялся и взмахнул кувалдой. Любочка поглядела на часы и охнула – десять минут как шел обед. Она помчалась в столовую.

Конечно, она опоздала – очередь в столовую уже изгибалась от кассы до самого входа. Любочка встала в ее хвост и приготовилась ждать. Сперва она некоторое время изучала роспись на стене, изображавшую висящий над пшеничным полем гигантский каравай, похожий на НЛО, затем заметила торчащий из кармана собственного ватника сложенный листок, вынула его и развернула.

«МНОГОЛИКИЙ КАТМАНДУ», – прочла она. Под заглавием мелким шрифтом было впечатано слово «памятка». Любочка прислонилась к стене и стала читать.

«Город Катманду, столица небольшого государства Непал, расположен на живописных холмах в предгорьях Гималаев, если смотреть на линию холмов снизу, из долины, то они напоминают хребет прилегшего отдохнуть дракона. Поэтому предки нынешних жителей Непала прозвали это место Драконовыми Холмами.

Городу около трех тысяч лет. Упоминания о Катманду как о крупнейшем культурном и

религиозном центре встречаются во многих древних хрониках, город был известен даже в ханьском Китае, где назывался Каньто и считался столицей мифического южного царства.

Во II – III веках нашей эры в Катманду проник буддизм, который вскоре образовал причудливый симбиоз с местными патриархальными культами. Тогда же в Катманду проникло и христианство, не получившее сколько-нибудь широкого распространения в городских верхах и оставшееся уделом небольших общин, занимающихся скотоводством на обширных низменностях к югу от города. Местные христиане – римские католики, но в последнее время церковь Катманду активно добивается статуса автокефальной».

Сзади послышалось тихое пение – Любочка обернулась и увидела трех сотрудников планово-экономической группы, вставших в несколько отдалившийся от нее конец очереди. На них были длинные мешки с дырами для головы и рук, перетянутые на талии серым шпагатом, а в руках горели толстые парафиновые свечи. На мешках были оттиснуты какие-то цифры, черные зонтики и надписи «КРЮЧЬЯМИ НЕ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ». Любочка стала читать дальше.

«В конце прошлого века сюда переселилась русская секта духоборов, основавшая несколько деревень недалеко от города, в их быту тщательно сохраняются все черты жизни русской деревни XIX века – например, на стенах изб можно увидеть вырезанные из „Нивы“ портреты императора Александра III с семьей.

Смешение в рамках одного города-государства нескольких культурных и религиозных традиций превратило Катманду в уникальный архитектурный памятник: буддийские пагоды соседствуют здесь с шиваистскими храмами, христианскими церквями и синагогами. По процентному отношению культовых построек к жилым Катманду занимает, безусловно, одно из первых мест в мире. Однако это не означает, что местные жители чрезмерно религиозны, – наоборот, им скорее свойственно эпикурейское отношение к жизни. Почти на каждую календарную дату в Катманду выпадает какой-нибудь праздник. Некоторые из этих праздников напоминают европейские – в них принимают участие члены правительства или хотя бы представители администрации, тогда на улицах поддерживается порядок и проводятся торжественные мероприятия, как, например, парад национальной гвардии, проезжающей в день независимости на слонах по главной магистрали столицы. Другие праздники – такие, как День Заглядывания за Край, связанный с традицией ритуального употребления психотропных растений, – на время превращают Катманду в подобие осажденного города: по улицам разъезжают правительственные броневики, мегафоны которых призывают разойтись собравшихся на площадях молчаливых и перепуганных людей.

Наиболее распространенным в Катманду культом является секта «Стремящихся Убедиться». На улицах города часто можно видеть ее последователей – они ходят в наглухо застегнутых синих рясах и носят с собой корзинку для милостыни. Цель их духовной практики – путем усиленных размышлений и подвижничества осознать человеческую жизнь такой, какова она на самом деле. Некоторым из подвижников это удается, такие называются «убедившимися». Их легко узнать по постоянно издаваемому ими дикому крику. «Убедившегося» адепта немедленно доставляют на специальном автомобиле в особый монастырь-изолятор, называющийся «Гнездо Убедившихся». Там они и проводят остаток дней, прекращая кричать только на время приема пищи. При приближении смерти «убедившиеся» начинают кричать особенно громко и пронзительно, и тогда молодые адепты под руки выводят их на скотный двор умирать. Некоторым из присутствующих на этой церемонии тут же удается убедиться самим – и их водворяют в обитые пробкой помещения, где пройдет их дальнейшая жизнь. Таким присваивается титул «Убедившихся в Гнезде», дающий право на ношение зеленых бус. Рассказывают, что в ответ на замечание одного из гостей монастыря-изолятора о том, как это ужасно – умирать среди луж грязи и хрюкающих свиней, один из «убедившихся», перестав на

минуту вопить, сказал: «Те, кто полагает, что легче умирать в кругу родных и близких, лежа на удобной постели, не имеют никакого понятия о том, что такое смерть».

Катманду – не только культурный центр с многовековыми традициями, но и крупный промышленный город, недавно с участием советских специалистов здесь построен современный электроламповый завод, продукция которого пользуется большим спросом на мировом рынке. Песчаные пляжи Катманду издавна привлекают туристов со всех уголков земного шара, и существующая здесь индустрия развлечений не уступает лучшим мировым образцам. Есть тут и молодая коммунистическая партия, борющаяся за более справедливые условия жизни трудящихся этой небольшой живописной страны».

Любочка поставила на свой поднос помидорный салат, рагу из свинины и бокал легкого итальянского вина. Подумав, она поставила рагу на место, взяла вместо него скумбрию с капустой, расплатилась и двинулась к угловому столику, откуда ей делали приглашающие жесты девочки из бухгалтерии.

– Чего, памятку читала? – спросила Настя Быкова, девушка с толстым слоем пудры на некрасивом лице.

– Да, – ответила Любочка, садясь рядом, – прочла.

– Тепло там, наверно, – мечтательно сказала Настя. – Круглый год тепло. Мужиков много. И фрукты всякие. А мы тут живем, живем – ничего не видим вокруг. А помираем – тоже небось в дурах оказываемся. Верно, Оль?

Оля, задумавшись, глядела в суп.

– Оль, ты чего? О чем думаешь?

Оля подняла глаза, слабо улыбнулась и произнесла:

– Возьми ладонь с моей груди. Мы провода под током. Друг к другу нас, того гляди, вдруг бросит ненароком...

– Это у нее хахаль электромонтажником работает, – вздохнув, пояснила Настя. – Ну ладно, чего болтать. Давайте есть, что ли.

Любочка доела быстрее всех, поставила поднос с тарелками на черную ленту транспортера, кивнула подругам и пошла в техотдел.

«Дура я, – думала она, поднимаясь по лестнице, – надо было выходить за Ваську Балалыкина и двигать с ним в армию. Сидела бы сейчас где-нибудь в гарнизонной библиотеке, выдавала бы книги...»

В коридоре она налетела на директора Шушпанова, который как раз выходил из парткома. Она даже не успела как следует испугаться – Шушпанов развернулся, взял ее под руку и повел по коридору навстречу плакату с тремя гигантскими брезгливо-гневными лицами, глядящими из-под строительных касок на корчащегося перед ними поганенького человечка с торчащей из кармана бутылкой.

– Ты сейчас чем занимаешься?

– Я? В цеху была. Два рацпредложения буду оформлять. Только насчет экономического...

– Все бросай, – заговорщически прошептал Шушпанов, – и дуй в библиотеку. Надо срочно стенгазету сделать. Там уже двое сидят – поможешь. Лады?

– Я рисовать не умею.

– Ничего, там раскрашивать нужно. Давай, девка, пулей! – Последние слова Шушпанов произнес так, словно их некоторая грубость искупалась небывалым счастьем, которое свалилось на Любочку в результате его предложения. Она растянула рот в улыбке и ответила:

– Лечу! Только журнал положу.

– Пулей! – на ходу повторил Шушпанов и бодро нырнул в дверь туалета, оставив Любочку наедине с гневом и брезгливостью висящего в тупике плаката.

Любочка пошла назад – Шушпанов протащил ее за собой лишних метров десять, – вошла в техотдел, положила журнал на обычное место и сменила ватник на синий халат, висевший в том же шкафу. Сослуживцы толпились у окна, наблюдая за двумя небесными всадниками, иногда выныривавшими из низких туч. Марк Иванович обернулся и сказал:

– Любочка! Позвони Василию Балалыкину.

– Я уже знаю, – сказала Любочка. – Спасибо.

Номер оказался занят, и через пять минут она была в библиотеке, где парковый художник Костя и библиотекарь Елена Павловна склонялись над двумя сдвинутыми столами, накрытыми склеенным из нескольких листов ватмана полотном стенгазеты – уже был готов карандашный рисунок, и оставалось только закрасить его гуашью. Костя выдал Любочке обломок маленькой кисти и велел как следует отмыть его в пятилитровой банке мутной воды, стоявшей на полу.

– Смотри только не вырони, – испуганно сказал он, – утонет.

Ей стало обидно от такого недоверия. Она тщательно отмыла кисть. Для раскрашивания ей достался огромный изгибающийся колос – будь он настоящим, им можно было бы накормить роту милиции. Любочка стала аккуратно наносить на него слой желтой краски и уже начала ощущать радость от того, как у нее славно получается, когда Костя вдруг потрепал ее по плечу.

– Ну что ты делаешь, а? – спросил он. – Ведь надо объем передавать. Показываю.

Он обмакнул кисть в белила и стал исправлять любочкину работу. Никакого объема все равно не получалось, зато стало казаться, что колос отлит из бронзы.

– Понятно?

– Понятно. – Она потерла пальцами виски и неожиданно для самой себя спросила: – Слушай, а ты не помнишь, в какой это сказке железный хлеб едят?

– Железный хлеб? – удивился Костя. – Черт знает.

За окнами уже было темно и горели холодные фиолетовые фонари. Когда в комнату стали входить люди, оставалось раскрасить улыбающуюся Луну и воина воздушных сил в похожем на аквариум гермошлеме.

Собрался почти весь административный штат, почему-то пришла баба в оранжевой безрукавке, утром не пускавшая Любочку в парк. Шушпанов подошел к столу, глянул на газету, похвалил и сказал, что сейчас будет короткое собрание, а потом можно будет продолжить.

Все расселись. Шушпанов, Шувалов и баба в безрукавке заняли места в маленьком президиуме, молодежь по привычке уселась подальше, возле книжных стеллажей, и собрание началось.

Шушпанов встал, потер ладони и уже собирался что-то сказать, когда открылась дверь и появился перепачканный маслом Каряев. В руках у него было зубило с приваренной к нему длинной поперечиной.

– Надо включить радио, – сказал он.

Шушпанов поглядел на него с хмурым недоумением, а потом его лицо прояснилось.

– Верно, надо включить радио.

Выйдя из-за стола, он подошел к стене и повернул черный кружок на боку маленького приемника с олимпийской эмблемой.

– ...Собственного корреспондента в Непале.

У звука появился фон. Долетели гудки машин, шум ветра, чей-то далекий смех.

– Стоя здесь, – заговорил вдруг громкий ухающий голос, – на широких дорогах современного Непала, не перестаешь удивляться, как многообразен природный мир этой удивительной страны. Еще несколько часов назад светило солнце, вокруг вздымались высокие пальмы и палисандровые деревья, дивно пели голубые кукушки и красные попугаи. Казалось, этому не будет конца – но у мира свои законы, и вот мы поднялись выше, в редкий воздух

предгорий. Как тихо стало вокруг! Как скорбно и сосредоточенно смотрит на землю небо! Недаром внизу, в долине, о жителях вершин говорят, что они едят железный хлеб. Да, здешние горы суровы. Но интересно вот что: когда поднимаешься из долины к безлюдным заснеженным пикам, пересекаешь много природных зон и в какой-то момент замечаешь, что прямо у обочины шоссе начинается березовая роща, дальше растут рябины и липы, и кажется, что вот-вот в просвете между деревьями покажутся скромные домики обычного русского села, пара коров, пасущихся за околицей, и, конечно же, маковка маленькой бревенчатой церкви. Нет-нет, а и вспомнишь о далеком колокольном звоне, узорчатых накупольных крестах и толпе старушек в притворе, отбивающих поклоны и спешащих поставить трогательную тонкую свечку Богу... Одно воспоминание приходит на смену другому, и скоро замечаешь, что думаешь уже не о природном мире Непала, а о том, что православная догматика называет воздушными мытарствами. Напомню дорогим радиослушателям, что в традиционном понимании это – сорокадневное путешествие душ по слоям, населенным различными демонами, разрывающими пораженное грехом сознание на части. Современная наука установила, что сущностью греха является забвение Бога, а сущностью воздушных мытарств является бесконечное движение по суживающейся спирали к точке подлинной смерти. Умереть не так просто, как это кажется кое-кому... Вот вы, например. Вы ведь думаете, что после смерти все кончается, верно?

– Верно... – откликнулось несколько голосов в зале. Любочка сначала услышала их, а потом уже поняла, что и сама ответила со всеми.

– И ток не течет по воздуху. Верно?

– Верно...

– Нет. Неверно. (Давно уже в голосе появились издевательские ноты.) Но я не собираюсь портить вам праздник Октября этим пустым спором хотя бы из-за того, что у вас есть отличная возможность проверить это самим. Ведь сейчас, друзья, как раз завершается первый день ваших воздушных мытарств. По славной традиции он проводится на земле.

В зале кто-то тихо закричал. Кто-то другой завыл. Любочка повернулась, чтобы посмотреть, кто это, и вдруг все вспомнила – и завывала сама. Чтобы не закричать в полный голос, надо было сдерживаться изо всех сил, а для этого необходимо было занять себя хоть чем-то, и она стала обеими руками оттирать след протектора с обвисшей на раздавленной груди белой кофточки. Повидимому, со всеми происходило то же самое – Шушпанов пытался заткнуть колпачком от авторучки пулевую дырку в виске, Каряев – вправить кости своего проломленного черепа, Шувалов зачесывал чуб на зубастый синий след молнии, и даже Костя, вспомнив видимо какие-то сведения из брошюры о спасении утопающих, делал сам себе искусственное дыхание.

Радио между тем восклицало:

– О, как трогательны попытки душ, бьющихся под ветрами воздушных мытарств, уверить себя, что ничего не произошло! Они ведь и первую догадку о том, что с ними случилось, примут за идиотский рассказ по радио! О, ужас советской смерти! В такие странные игры играют, погибая, люди! Не знавшие ничего, кроме жизни, они принимают за жизнь смерть. Пусть же оркестр балалаек под управлением Иеговы Эргашева разбудит вас завтра. И пусть ваше завтра будет таким же, как сегодня, до мгновения, когда над тем, что кто-то из вас принимает за свой колхоз, кто-то – за подводную лодку, кто-то – за троллейбусный парк, и так дальше, – когда надо всем тем, во что ваши души наряжают смерть, разольется задумчивая мелодия народного напева саратовской губернии «Уж вы ветры». А сейчас предлагаю вам послушать вологодскую песню «Не одна-то ли во поле дороженька», вслед за чем немедленно начнется второй день воздушных мытарств – ведь ночи здесь нет. Точнее, нет дня, но раз нет дня, нет и ночи...

Последние слова потонули в нарастающем гуле неземных балалаек – их звук был так невыносим, что в зале, уже не стесняясь, стали кричать во все горло.

Вдруг у Любочки возникла спасительная мысль. Что-то подсказало ей, что, если она сможет встать и выбежать в коридор, все пройдет. Наверное, похожие мысли пришли в голову и остальным – Шушпанов, качаясь, кинулся к окну, баба в оранжевой безрукавке полезла под стол, сообразительный Каряев уже тянул руку к черной кнопке радио, намереваясь выключить его и посмотреть, что это даст, – а Любочка, с трудом переставляя ноги, заковыляла к двери. Неожиданно погас свет, и пока она на ощупь искала ручку, на нее сзади навалилось несколько человек, охваченных, видимо, той же надеждой. А когда дверь, к которой Любочку прижала невидимая сила, все же раскрылась, оказалось, что троллейбус уже тронулся и теперь надо прыгать прямо в лужу.

Водонапорная башня

Водонапорная башня вполне может оказаться тем первым, с чего начнется все остальное, потому что предметы появляются тогда, когда становятся известны их названия, и происходящее за окном сразу приобретает смысл – солдаты заканчивают работу, выкладывая белым кирпичом число «1928» на толстой верхней части каменного цилиндра, и даже не догадываются, что кто-то следит за тем, что они делают, думая об этом почти без помощи слов, но очень серьезно: любая башня или даже труба сначала строится таким образом, будто должна подняться до самого неба, чем обязательно завершилось бы простое добавление новых кирпичных колец изо дня в день, если бы не решение строителей уйти, приводящее к тому, что какой-то кирпич обязательно становится последним, а я – единственным свидетелем остановки работ, потому что во всем доме напротив только я понимаю, что означают пустые леса, от вида которых возникает такое странное чувство, что взгляд сам собой переходит вправо, туда, где кончается деревянная коробка с землей, утыканной яблочными семечками, и обои чуть отстают от стены, приоткрывая другой слой обоев и желтый край газеты, еще дореволюционной, оставшейся с тех времен, когда бородатые господа в шляпах удивительной формы и с цепочками на жилетах, предчувствуя свой конец, пили шампанское среди раздетых женщин и измученных рабочих, а Ленин со Сталиным стояли у окна и читали первый номер «Правды», предвидя все на свете и, может быть, даже то, как когда-нибудь на свет появлюсь я и бесконечно длинным летним днем буду наклеивать полоски сиреневой папиросной бумаги на узкие фанерные крылья, сидя на теткиной кровати, глядя за окно и почти не обращая внимания на ее путанные рассказы о том, как в село вошли белые, потом красные, потом опять белые, а потом какие-то непонятные «наши», которых почему-то представляешь себе мужиками в малиновых рубашках каждый раз, когда видишь справа от пыльного крыла ее фотографию и пытаешься сообразить, что это на самом деле значит – взять и умереть, как умерла она и как можем умереть мы все, если не останемся вечно жить в своих делах по способу Антонины Порфирьевны, даже протирающей после этих слов свои очки, отчего возникает короткая пауза в ее многолетнем рассказе о так называемых материках, возвышающихся над серыми пространствами океанов, где даже самый большой в мире линкор покажется крохотным, как спичка, если вдруг поглядеть на него из неба, заполненного летящими в Канаду журавлями, боевой авиацией и черными пятнами, возникающими от долгого наблюдения за солнцем, медленно меняющим свой цвет при приближении к воображаемой точке, где оно, уже красное и огромное, оказывается только в июне, чтобы на несколько минут коснуться шкафа, осветить его верхнюю половину и превратить его во что тебе хочется, начиная от бастиона Великой Стены и кончая скалою где-то в Америке – смотря куда ты переносишь свою жизнь из этих мест, хрюкающих на тебя всеми своими свиньями, когда ты идешь по грязной улице со своей коллекцией спичечных коробков и размазываешь по лицу сопли пополам с кровью, а тебе вслед орут все те, кто уверенно чувствует себя среди этих косых заборов, обещая вломить тебе завтра еще разок так же безнаказанно, как сегодня, потому что жаловаться все равно некому и для любого взрослого нет разницы между избивающими и избиваемыми детьми, раз те и другие в галстуках, с барабанами и горнами, оставив отцов допивать вонючее пиво, уходят в будущее даже тогда, когда просто стоят шеренгой перед пионерлагерными бараками и щурятся от бьющего в глаза света, глядя кто на ползущий вверх по шесту флаг, кто на кота, крадущегося по уже горячим жестяным листам на крыше столовой, чтобы спрыгнуть в кусты, где вечером делят собранные за день окурки, курят, спорят о конструкции женских внутренностей и заедают синий дым зубным порошком, вкус которого остается во рту еще долго после отбоя, запоминаясь как приложение к истории о синем ногте в котлете и чекистах, которые приехали

слишком поздно только потому, что спустила шина, и пока в темном дворе меняют колесо, они сильно стучат в дверь, а потом уходят в такой спешке, что соседу приходится одеваться в коридоре, как раз напротив твоей замочной скважины, в которую он вполне мог бы напоследок ткнуть карандашом, раз до этого подсыпал битое стекло в сливочное масло и отравлял колодцы, чтобы ты пил из них тифозную воду и полгода лежал в кровати, глядя в окно и угадывая за пушистой завесой падающего снега очертания водонапорной башни, похожей на приставленного к городу часового, стерегущего твой покой и заодно тебя самого, чтобы ты случайно не скрылся в собственном будущем, воспользовавшись теплой весенней ночью, в которую появляется возможность, почти не касаясь земли, углубляться в черные заросли неизвестно откуда взявшегося леса и уже почти узнать то, к чему бежишь со всех ног, перед тем как проснуться и, поглядев на приоткрытую дверь, за которой слышны бодрые утренние голоса и свист примуса, подумать, что каждое утро к ней, как трап, придвигают забитый сундуками и комодами коридор, выход из которого ведет в тот единственный дневной мир, который тебе известен, и чем лучше ты с ним знаком, тем реже дверь твоей комнаты будет раскрываться куда-то еще, в места, названия которых ты не знаешь и не узнаешь никогда, потому что уже давно похож на человека, стоящего на подножке разгоняющегося трамвая и думающего, что чем быстрее тот едет, тем труднее будет спрыгнуть и пойти своей дорогой, пока слова «своя дорога» еще сохраняют некоторый смысл, а точнее – отблеск понятного когда-то смысла, иногда мелькающий в глазах стоящих рядом, но раз они все-таки едут дальше, то, наверно, на что-то надеются, а они думают то же самое, глядя на тебя, пока один разливает по чашкам водку, а другой пытается играть на гитаре, под которую так надежно затвердевает вокруг тот мир, который ты выбрал, не успев ни с чем его сравнить и поняв только, что все в нем случается крайне быстро, а время суровое и величественное, и хоть Утесов поет, что тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет, люди пропадают целыми оркестрами, так и не дошагав туда, куда они шли, и все-таки попав именно туда, в чем нет ничего удивительного, раз страна движется от одного крутого перелома к другому, еще более крутому, и все по линии партии, отточенной и прямой, как угол твоей комнаты, где стоит патефон с десятком пластинок, позволяющих тебе время от времени нелегально обнять утомленное солнце, вырезанное кем-то из последней на всю страну оранжевой картонки, и догадаться, что если уж ты простился с чем-то навсегда, то оно тоже простилось с тобой, и, обернувшись, ты увидишь на столе воблу на мятой «Правде», бутылочку пивка и больше ничего, потому что другого не положено на стол, и именно это, по всей видимости, и придется защищать, если завтра война, потому что никакая твоя защита не нужна ни качающейся за окном сирени, ни узкому лучу света, падающему на расщепляющее его стекло, за которым застыло красно-сине-желтое лицо Горького, большого приятеля нашей державы, так и не успевшего описать в своих книгах, как ты и такие как ты, в спортивных рубашках и белых кепках, с миллионов порогов улыбнутся ей и таким как она, в простых платьях из ситца в цветочках, и все сразу прояснится, потому что все печальное и непонятное имеет свойство проходить, а жизнь содержит именно тот смысл, который ты придаешь ей сам, с ясной целью впереди сидя за всенародными брошюрами, недосыпая и рискуя навсегда опоздать на работу и сесть в тюрьму, к глупым блатным, еще не понявшим, что в стране, где на деньгах нарисован вглядывающийся в тревожное небо летчик, быть богатым просто невозможно, потому что даже целая армия этих летчиков в кармане не заставят замолчать раскрытый клюв репродуктора, который так страшно слышать даже не из-за смысла долетающих слов, а из-за неожиданной догадки, что с тобой сейчас говорит диктор, фокусник, зарабатывающий себе на жизнь умением заставить тебя на несколько секунд поверить, будто к тебе обращается что-то огромное и могущественное, готовое позаботиться о тебе, когда на самом деле ты и такие как ты нужны этому огромному, чтобы заботиться о нем и защищать, закрывая это неживое и непонятное,

даже не догадывающееся о собственном существовании, той единственной попыткой, которой на самом деле является и твоя жизнь, и жизнь за стриженным затылком, в который ты глядишь, стоя в длинной толпе перед призывным пунктом и теряя мелькнувшую на секунду мысль, узнав в человеке впереди бывшего одноклассника, опять оказавшегося твоим товарищем, которого надо хотя бы оттащить в сторону, чтобы он не лежал у перевернутого грузовика ногами на дороге, а головой в еще довоенном подорожнике и муравьи не ползли по его лицу, которое вспоминается тебе, когда над головами гудят невидимые самолеты или когда мимо по платформе ведут очень похожего на него окруженца в мирных калошах, полезшего сдуру искать начальство, а потом сдуру побежавшего от конвоя и свалившегося в трех метрах от последнего вагона, уносящего тебя навстречу зиме, лыжам ленинградской фабрики и карнавальному маскхалату, в котором ты встречаешь Новый год, глядя из сугробов на две красные ракеты, блестящие в прозрачном ночном небе, как елочные шары, пока ты думаешь о том, что оставленный на минуту в покое человек может вдруг оказаться так далеко от оставивших его в покое, что те найдут на его месте кого-то другого, уже совершенно не желающего углублять окоп, а пытающегося вместо этого повернуться к стене и заснуть, забыв, что никакой стены возле его койки нет, а есть два узких прохода, как раз подходящих для того, чтобы заново учиться сгибать и разгибать ноги, а потом стоять, ходить и бегать за притормаживающими грузовиками, катящими навстречу летнему солнцу, поганам на плечах и походящему на веник с врезанной консервной банкой автомату, из которого ты ни разу не выстрелил за два года, потому что видел перед собой большей частью заваленную списками живых и мертвых поверхность то школьной парты, за которой когда-то сидел писавший фиолетовыми чернилами Чугунков Коля: «седьмой класс – дурак», то переделанного бильярда, сукно которого с такой скоростью впитывает вылившийся из опрокинутой гильзы бензин, что успеваешь поверить, что ты не опытный вредитель, как намекает взглядом товарищ Кожеуров, а просто сраный разгильдяй, твою мать, только тогда, когда уже неделю то на голодных детей, по-прежнему считающих его материалом для строительства снеговиков и крепостей, то на военкора, смотрящего на незнакомый город из-под черного эмалированного полукруга с таким видом, будто перед ним не несколько случайных трупов на мокрой обочине, а и впрямь заря победы с пограничными столбами, прочитав о которых во фронтовой газете, ты поймешь, что есть люди, старательно оформляющие местность, по которой ты в последний раз бежишь на пулемет, из-за чего им, наверно, приходится говорить между собой на особом языке, совсем как офицерам железнодорожных войск, обсуждающим какие-то кубометры и максимальное число вагонов теплым майским вечером на игрушечной железнодорожной станции, каких у нас просто не бывает, потому что по эту сторону границы все наоборот: что-то железнодорожное есть в детских игрушках, и люди делают свои дома чуть похожими на тюрьмы, чтобы не было особого смысла отправлять их в настоящую тюрьму, зато уж внутри этих самых домов они всей толпой беззаветно штурмуют верхние нары, и нет ничего удивительного, что женщина, которой ты четыре года отправлял письма, каждый раз стараясь целиком поместиться в бумажном треугольнике, недоумевает, как это ты не привез ей из Германии вагон барахла, а раздобыл там только часы в стальном корпусе и старый фотоаппарат, который ты вешаешь на стену комнаты, где родился и вырос, пробивая гвоздем новые обои с такими же розовыми узорами, какими скоро покроется все вокруг, хотя пока они появляются только на сетчатке левого глаза после третьего стакана водки, от запаха которой она морщится, потому что не понимает, что человек должен уметь забывать прошлое, если хочет и дальше идти по жизни, где надо улыбаться наглой женщине из отдела кадров, надевать медали на экзамен и приносить домой несколько веток сирени, напоминающей не то о довоенных чернилах, не то о вечном салюте всем живым, если они, конечно, еще есть в этом городе, лучше приспособленном для грузовиков, чем для людей, особенно крошечных, которые дико орут всю ночь, лежа в своих

кроватках и глядя то на ползущие по потолку квадраты света, то на лицо матери, разрисованное помадой и тушью, купленной у каких-то сволочей перед вокзалом, прямо на площади, где скользят небывалые, как из сна, голубые «Победы» и весело горят огни на домах, подтверждая, что уже никогда не повторится то, что было раньше, или, если сказать то же самое по-другому, все оказалось позади и от тебя осталось только то, на что ты надеваешь пиджак и брюки, когда идешь на работу, и переодеваешь в китайский лыжный костюм, приходя домой и плюхаясь в кровать рядом с крупнозадым человеком другого пола, настолько частым опытом многих, что даже есть специальное слово «жена» для описания того, что чувствуешь, видя завитые короткие волосы и вдыхая запах духов «Колхозница», пропитавший все до такой степени, что комната, где едят и дышат четверо человек, становится похожей на парикмахерскую в день погребения Сталина, отчаянного человека, оставившего все государственные и партийные посты ради самой обыкновенной смерти, после которой вдруг выяснилось, что в любую гранитную задницу можно без труда вбить кукурузный початок, а это, кстати, можно было бы понять еще очень давно, если бы было время задуматься, но только его нет даже у детей, похожих со своими ранцами на маленьких космонавтов, высадившихся на этой безобразной планете в самое спокойное за всю ее историю время и уже создавших вокруг себя какой-то непонятный мир, о котором ты никогда ничего не узнаешь, так что умнее было бы повернуться к тем радостям, которые еще может дать жизнь, и пореже смотреть вниз из окна, потому что добровольная смерть – удел слабых, а удел сильных – недобровольная, а сейчас как раз приходит возраст расцвета, когда внизу тебя ждет кремовая машина со взлетающим над капотом оленем, здоровье в полном порядке и со спины иногда еще долетают слова «молодой человек», потому что на затылке сохранились волосы, а кроме всего этого, ты очень нужен тем, кто дергает тебя за пальцы, называет папой и просит принести что-нибудь смешное с работы, где самое смешное – на бланках с грифом «секретно», а по коридорам ходят такие псы в костюмах, что надо все время самому рычать, чтобы тебя не съели по ошибке, или от чувства полноты жизни, которое надо все время показывать самому, чтобы тебе все время демонстрировали его в ответ, то есть надо улыбаться, отпускать усы, махать в жэке справками и так далее, и тогда, может быть, найдутся два или три идиота, которые придут к тебе в гости и скажут, что ты живешь как король, после чего ты сможешь представить себе, что чувствует король, десятый год бегая трусцой по обсаженной сиренью аллее и видя людей, которые будут жить после того, как он последует за недавно оставившей этот мир королевой, а чтобы он ни с чем не перепутал это чувство, у него есть дети, уже прикидывающие, как они разменяют квартиру, собранную по частям из освобождающихся комнат, как из кубиков с фрагментами рисунка, в надежде, что сойдется, а когда все сошлось, страшно даже посмотреть на это, потому что догадываешься, какой рисунок вышел, и тебе приходится отсекал уже гниющие части мира, чтобы в узком коридоре смысла глядеть в телевизор и гадать, чувствуют ли они то же самое, и если да, то зачем они тогда так тщательно растягивают вдоль своих лысин последние оставшиеся пряди и обнажают в улыбках пластмассовые зубы, которые им, как и тебе, придется положить на ночь в специальный раствор, пахнувший сиренью, и долго стоять над плексигласовым стаканом, силясь вспомнить, о чем же напоминает этот запах, но вместо этого вдруг наткнуться на мысль, что догадываешься сейчас о существовании жизни так же, как когда-то догадывался о существовании смерти, отчего становится до того страшно, что делаешь одновременно три вещи: закуриваешь сигарету, включаешь телевизор и открываешь недавно купленную книгу, где сказано, что прошел о Нем слух по всей Сирии, и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их, и следовало за Ним множество народа из Галилеи, и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана, откуда все громче доносится гневный голос арабского народа, обещающий кратковременные дожди и

восемнадцать-двадцать градусов тепла – как раз то, что нужно для ритуального посещения дачи, где тебя встречают как неизбежное зло и из окна которой ты видишь выросший прямо у стены гриб, похожий не то на человечка, не то на крохотную водонапорную башню, что, в сущности, одно и то же, если вспомнить, что человек – это почти что двухметровый столб воды, способный самостоятельно перемещаться по поверхности земного шара, двигаясь к железнодорожной станции сквозь сгущающиеся сумерки и прислушиваясь к долетающей откуда-то музыке, совершенно не подходящей для того, чтобы разместить в ней хоть одно свое чувство, и поэтому чужой и оскорбительной, но все-таки прекрасной, раз вокруг полно тех, кому это удастся без всякого усилия с их стороны в те же дни, когда ты тайком, как другие пьют портвейн, крестишься в подъездах и лифтах, носишь откровенно предсмертное черное пальто и всерьез ищешь чего-то в приобретенной для смеху и интеллигентности книге, когда пытаешься дозвониться бывшим детям, чтобы услышать в трубке свой уверенный бодрый голос и лишний раз понять, что ты не нужен никому и ничему в мире, сужающемся с движением твоего взгляда по обоям навстречу просвету окна перед шторой, за которую ты держишься, надеясь, что на этот раз отпустит, если тебе удастся не поворачивать взгляд дальше вправо, потому что, когда человек начинает принимать треугольное слуховое окно на маленькой зеленой крыше за глаз, который глядел на него с рожденья, уже не имеет никакого значения ни то, как именно он упадет на пол, ни то, что последним увиденным им на свете предметом окажется водонапорная башня.

Встроенный напоминатель

– Вибрационализм, – сказал Никсим Сколповский, обращаясь к нескольким пожилым женщинам, по виду – работницам фабрики «Буревестник», непонятно как оказавшимся на авангардной выставке, – это направление в искусстве, исходящее из того, что мы живем в колеблющемся мире и сами являемся совокупностью колебаний.

Женщины испуганно притихли. Никсим поправил непрозрачные очки с узкими прорезями и продолжил:

– Но простое отражение этой концепции в артефакте еще не приведет к появлению произведения вибрационалистического искусства. Чистая фиксация идей неминуемо отбросит нас на исхоженный пустырь концептуализма. С другой стороны, возможность вибрационалистической интерпретации любого художественного объекта приводит к тому, что границы вибрационализма оказываются размытыми и как бы несуществующими. Поэтому задача художника-вибрационалиста – проскочить между Сциллой концептуализма и Харибдой теоретизирования постфактум.

Женщины сделали по крохотному шажку в направлении геометрического центра всей группы, и стало казаться, что их чуть меньше, чем на самом деле. Никсим вынул из нагрудного кармана расшитый серебряными вестниками робы маленький штангенциркуль, чуть раздвинул его губки и поглядел сквозь щель на тускло-розовый свет лампы смерти.

– Дифракция, – объяснил он женщинам, пряча инструмент. – Одно из явлений, лежащих в основе вибрационализма. И свет, и тень, и штангенциркуль являются колебаниями, но относятся к разным частотным областям. Дифракция – то есть огибание светом препятствий – с точки зрения чистого вибрационализма равнозначна интерференции, как иногда называют наложение колебаний друг на друга. Вибрационализм разгромил догмы так называемой физики, по которым складываться могут только колебания одной частоты. Человек, например, – результат сложения самых грубых, медленных колебаний, дающих физическое тело (Никсим провел выкрашенным в красный цвет пальцем по своему животу), с более тонкими и быстрыми, составляющими то, что раньше называлось душой. Самые тонкие из доступных людям вибраций как раз и являются идеей вибрационализма, поэтому неудивительно, что как направление человеческой мысли он появился только сейчас и доступен немногим.

Женщины, и так не особого роста, казались теперь гораздо ниже, какая-то вековая горечь была в складках у их губ.

– Но что же является задачей вибрационалистического искусства? Какой художественный принцип должен лежать в его основе? Объясняю. То, что человек – продукт наложения и взаимопроникновения вибраций самых различных частот, незаметно именно потому, что спектр этих колебаний крайне широк. Но если выделить две узких полосы вибрации, относящихся к разным частотным областям, и наложить их друг на друга, мы получим – как в случае со штангенциркулем и светом – необычайный результат. Полоска света между сведенными почти вплотную губками кажется гораздо шире, чем на самом деле. Но это физический эффект. А задачей вибрационализма является поиск подобных эстетических и магических эффектов путем экспериментального наложения друг на друга колебаний разных частот.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)